

Серж Запольский
Нина Запольская

Кровавая вода Африки

Достояние Англии. Книга 3

18+

Достояние Англии

Нина Запольская
Кровавая вода Африки

«Автор»

2018

Запольская Н.

Кровавая вода Африки / Н. Запольская — «Автор»,
2018 — (Достояние Англии)

ISBN 978-5-532-05562-9

Основано на реальных дневниковых записях английских путешественников... Африка и сегодня – во многом опасна, а в XVIII веке она была опасна смертельно. Лишь немногим европейцам удавалось вернуться из дебрей континента. Поиски захваченной пиратами шхуны «Архистар» приводят капитана Линча в Гвинею. На плато Фута-Джаллон его отряд, спасаясь от интриг туземного колдуна и вождя племени, оказывается втянутым в междоусобную войну. Прекрасная Олиба, покорённая голубыми глазами капитана, помогает ему. Уходя от погони, отряд углубляется в тропический лес, где их подстерегают пожары, хищники и смертельные болезни.

ISBN 978-5-532-05562-9

© Запольская Н., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Пролог. Пленных не брать	5
Глава 1. Гвинейский берег	12
Глава 2. Олиба из племени мандинка	25
Глава 3. Фульбе	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Нина Запольская, Серж Запольский

Кровавая вода Африки

Пролог. Пленных не брать

Командование мятежной шхуной взял на себя штурман Пендайс...

Это было невероятно. Это было настолько невероятно, что капитану показалось, что он сейчас умрёт. Потом ему вспомнился недавний сон.

Словно он стоял и смотрел, как горит его дом.

Он знал, что дом загорелся не сразу, а медленно, нехотя, словно он был живой, и словно он долго раздумывал, потом решил загореться и вспыхнул. И теперь капитан смотрел, как он горит и с громким треском сыплет искрами, занимаясь пламенем всё в новых и новых местах.

У дома был привязан пёс, старый, уже седой. Пёс жил в семье, бог знает, сколько времени и служил верой и правдой, и теперь он должен был сгореть вместе с домом, потому что у капитана не было сил подойти и отвязать его.

Сначала пёс рвался и лаял, отчаянно, иступлённо, изо всех своих сил пытаясь вырвать кольцо из столба, но столб был крепкий, и цепь была крепкая, и скоро пёс, задохнувшись и обессилев, понял, что ему не спастись. Он лёг и заплакал, застонал прямо по-человечески, скуля, бормоча что-то почти членораздельно в предсмертной тоске, а капитан смотрел на него и не мог шевельнуть ни ногой, ни рукой, застыв словно в ступоре...

Командование мятежной шхуной взял на себя штурман Пендайс...

Капитан посмотрел на своих людей. Матросы глядели на него с надеждой, ожидая приказов. Сквайр вылез из паланкина и застыл, как громом поражённый. Рядом с ним доктор Легг удручённо щипал свой бакенбард, шепча под нос что-то едва слышное по-русски.

Платон, не говоря ни слова, пошёл заниматься верблюдами, и скоро он с Бонтоном и Бенем Гантом уже развешивали их, поили и привязывали к коновязи.

– Что случилось? – спросил у него Бонтоном.

– У нас угнали корабль, – ответил Платон. – И, похоже, всем нам теперь будет полный абсцесс¹.

Бонтоном явно не понял, что всем теперь будет такое, и встревожился ещё сильнее, но с расспросами больше не приставал, изредка только поводя на Платона круглыми агатовыми глазами.

Капитан, доктор и сквайр продолжали стоять посреди площади.

– Что же теперь делать? – проговорил сквайр, наконец.

– Теперь надо идти на постоянный двор. А там разберёмся, – ответил капитан, потом решительно добавил: – Доктор, идите с матросами, вставайте на постой... Мистер Трелони, вы можете уже переодеваться. А я с Бонтоном двину через мангровы в форт Энрике. Платон идёт со мной. Проследите за сундуком, господа, теперь это наши единственные деньги... Когда я вернусь, будем разбираться.

И он ушёл.

Вернулся капитан поздно, но никто не ложился, ни матросы, ни джентльмены. Все сидели внизу, в таверне постоянного двора, и подавленно молчали. В таверне было шумно, здесь находились, разговаривали и даже спали другие караванщики. Капитан подсел к команде, хлопнул себя по колену и приказал:

– Ну, рассказывайте, мать вашу, как вы остались без корабля!

---

¹ Абсцесс – (мед.) гнойное воспаление тканей.

Матросы наперебой загомонили, потом стихли и посмотрели на кока Пиррета. Тот откашлялся, вытер рот рукавом и стал обстоятельно рассказывать. Матросы по ходу рассказа дополняли его речь ругательствами. Рассказ кока был весьма интересен.

Оказалось, что после отъезда капитана возле шхуны стали частенько замечать вдову утонувшего рыбака, горе которой все наблюдали на берегу в день прибытия. Но от своего горя Марианна, так звали вдову, быстро оправилась, и вскоре её можно было видеть в таверне на острове в компании матросов с «Архистар» и других кораблей. Потом в её домик зачастил боцман Билли Джонс, и все завидовали ему, потому что женщина была на редкость красива.

Бунт на «Архистар» вспыхнул удивительно быстро. Просто команда как-то мгновенно разделилась на тех, кто оказался с пистолетами, и на тех, у кого пистолетов не было, и кого держали на мушке. Потом на борт поднялись местные рыбаки, чужие матросы и Марианна. Все они были вооружены тесаками и пистолетами, а Марианна улыбалась страшно, и длинные волосы её развевались, а юбки под ветром задирались, открывая взглядам голые ноги. А боцман спросил у матросов, кто ещё из них пойдёт искать свободу и счастье, но больше никто не пошёл. И тогда штурман Пендайс сказал боцману:

– Ты не уйдёшь далеко, Билл... Не дури. Ты погубишь корабль.

А боцман сказал, что он и не думает идти мористее², а пойдёт вдоль берега и в Гвинейском заливе найдёт себе кого-нибудь, кто поведёт шхуну дальше. Потом он крикнул штурману:

– Давай с нами, Джон!.. Сколько тебе ещё ходить под командованием мальчишки? Не пора ли самому стать капитаном?

И тогда подлец-штурман перешёл на сторону подлеца-боцмана, растак его и разэдак, и встал рядом с ним. А матросам, слава богу, отдали их рундуки и высадили на берег – и даже денег не отобрали. Последним в шлюпку сажился кок Пиррет, и подлец-штурман сказал ему даже несколько слов, прощаясь.

– Вспомни, что он сказал, Пиррет, – настойчиво попросил капитан, он даже придвинулся к коку.

И в голосе капитана всем вдруг почудилась надежда.

– Да как-то чудно он сказал, – ответил кок. – Сказал он что-то про рыбу.

– А что именно он сказал о рыбе? – переспросил капитан. – Вспомни, это очень важно.

– Он сказал, уходим мы, дескать, в Гвинейский залив, а там рыбы навалом, – протянул кок, вспоминая и морща лоб от усердия. – Я ещё подумал, ловить они её там будут, что ли?.. Так ведь здесь рыбы-то везде неупорот. Места такие.

Капитан удовлетворённо выдохнул и обвёл всех повеселевшими глазами.

– Ну, всё не так плохо, как мне представлялось сначала, – сказал он. – Мистер Пендайс – за нас, а это самое главное... А теперь – слушай мою команду! Завтра, на рассвете, мы отплываем вдогонку за «Архистар». Корабль для этого я уже зафрахтовал, он называется «Ласточка». А теперь – всем отбой.

И он поднялся из-за стола, и за ним поднялись остальные.

В комнате, отведённой джентльменам на эту ночь, мистер Трелони спросил капитана:

– Дэниэл, скажите, а как вы догадались насчёт штурмана Пендайса?

– Да по рыбе, Джордж, – ответил тот. – У нас на всякий случай с Пендайсом был уговор – сказать, что рыбы, мол, много. Знак такой... Он не предатель, он просто корабль спасает. Бог знает, что может случиться с «Архистар» в неумелых руках, а в преступных, но умелых мы шхуны вообще можем больше не увидеть.

– Слава богу, – сказал доктор. – А то мне показалось, что с «Архистар» я лишился всего на свете.

---

² Мористее – дальше от берега в сторону открытого моря.

– Хорошо вас понимаю, доктор, – ответил капитан, и вылил в таз воду из кувшина. – Я уж и сам было решил, что остался, как без родного дома... Словно он в минуту сгорел.

Он готовился мыться и был раздет по пояс, Платон помогал ему.

– Но, господа, всё не так уж и плохо, – добавил вдруг капитан. – Наша координата 8, помните? Я уверен, что на полуострове Калум будет и наша шхуна, просто должна быть там... Мы с Пендайсом обсуждали маршрут «Архистар». Я уверен, он что-нибудь придумает и приведёт шхуну к этой координате.

И капитан энергично плеснул себе в лицо воды с ладоней.

Мистер Трелони деликатно отвернулся и стал готовиться ко сну.

****

– А знаете, господа... История морского разбоя знает немало женщин-пираток, – произнёс капитан.

Он, сквайр и доктор Легг стояли на палубе двухмачтовой бригадины «Ласточка» и смотрели на исчезающий вдали мангровый берег и остров Арген. Солнце поднималось и покрывало розовым золотом и берег, и воду, и всё вокруг. Из клеток, стоящих на палубе, раздавались истошные крики петухов.

Капитан потёр бритый, изрезанный с непривычки подбородок и добавил:

– И все они отличались особой жестокостью, как и всё женщины, взявшиеся за «мужской» труд. Им ведь надо было доказать мужчинам, что они не хуже... Вот дамы и старались.

Он презгливо скривился.

Мистер Трелони думал о превратностях судьбы, которая играет человеком, не спрашивая о его желаниях и планах и не заботясь о том, что из всего этого выйдет. Ведь помогая деньгами вдове утонувшего рыбака, капитан и представить себе не мог, что фактически поддерживает авантюристку-вдову в её коварном замысле... А ведь все её ещё и жалели! Однако, что же? Боцман Джонс настолько влюбился, что в конец потерял голову?

И сквайр постарался перевести разговор на другую тему:

– А вы заметили? Когда мы отплывали, у Бонтондо были удивительно влажные глаза.

– Да, мне тоже показалось, – отозвался доктор. – Хороший он мужик, хоть и чернокожий.

Капитан и мистер Трелони понимающе переглянулись, заулыбались, но ничего не сказали: у доктора все, с кем он выпивал, были «хорошими мужиками».

«Ласточка» миновала архипелаг Бижагош – группу островов у Западного побережья Африки, не останавливаясь. Мистер Трелони с ужасом подумал, что затеряться в этом множестве островов шхуне, что юнге обмакнуть кисть в смоляную бочку. Но не могли же они терять время, осматривая каждый остров? Приходилось довериться чутью капитана Линча. В который раз довериться. И ещё уповать на морскую удачу, а главное, на честность и благородство штурмана Джона Пендайса.

«Ласточка» на всех парусах летела к полуострову Калум.

****

Они увидели «Архистар» в зрительную трубу именно там, где и ожидали увидеть, недалеко от острова Томбо.

«Ласточка» встала по другую сторону острова и подняла английский флаг.

– Мы атакуем их на рассвете, когда все, кроме вахтенных, будут спать. И я очень надеюсь, что Пендайс нам поможет, – сказал капитан матросам, которые сидели и лежали на палубе возле пушек. – Пленных не брать. Мне нужны только боцман Джонс и эта женщина. Штурмана Пендайса тоже не трогать, разумеется.

Они отправились на вылазку заранее – почти весь экипаж, только вахтенный и кок Пиррет остались на «Ласточке» караулить сундук с «Аточа».

До берега они добрались на шлюпках и залегли там, стараясь поспать хоть немного до намеченного часа, и большинству, особенно старым, опытным матросам, это удалось. Костра

не разжигали, боясь привлечь к себе внимание. Капитану, мистеру Трелони и доктору Леггу не спалось, они сидели, привалившись спиной к борту перевернутой шлюпки, и говорили о чём-то неспешно. Платон лежал рядом с закрытыми глазами, он, наверное, спал. Негромкий рокот прибрежных волн навевал успокоение.

– Любовь – это болезнь, которая укладывает людей в постель... Это я вам, как доктор, говорю, – сказал доктор Легг и зевнул.

Мистер Трелони засмеялся негромко, хлопнул себя рукой по щеке в очередной попытке убить какого-то кровососа и ответил:

– Ну, если и болезнь, то, слава богу, не заразная. А то бы все перезаражались друг от друга.

Он привстал, сломал себе ветку и принялся отмахиваться ею от насекомых.

– И, наверно, это единственная болезнь, от которой никто не хочет вылечиться, – продолжал доктор глубокомысленно. – Причём все пациенты довольны и жалоб нет.

– Иногда ты должен понять, что твоя любовь преступна, – прервал молчание капитан.

Невдалеке что-то заухало, перекрывая весь остальной ночной гвалт и стрёкот. Кто-то стремительно и бесшумно пролетел у них над головой, потом ещё, с другой стороны. Платон даже охнул, привстав на локте – он, как оказалось, тоже не спал.

– Что это за птица? – спросил доктор и опять зевнул.

– Это летучая мышь, – отозвался Платон со своего места. – Чуть в лицо мне не влетела.

Доктор Легг опять зевнул и потёр уши двумя руками, прогоняя сон.

– Идите, поспите, доктор, – сказал капитан, стараясь рассмотреть, взглянуть в темноте в лицо доктора: он не хотел брать доктора с собой, уступил его настойчивому требованию и теперь мучился сожалением.

– А то и правда, капитан, пойду-ка я, хоть полежу немного, – сказал доктор, поднимаясь.

Он лёг рядом с Платоном и завожился, устраиваясь удобнее. Некоторое время никто не разговаривал.

– Мистер Трелони, вы бы тоже поспали хоть немного, – сказал капитан и покосился на сквайра, но тот уже спал, свесив на грудь голову.

Капитан осторожно поправил неловко подвёрнутую руку сквайра, бесшумно поднялся и пошёл по берегу в ту сторону, где, – он знал это, – невидимая в темноте, на ленивой волне качалась «Архистар».

И Платон тут же его догнал.

****

Солнце взошло и озарило своим светом всё вокруг, только сегодня оно показалось капитану тяжёлым, багровым, даже кровавым, и вставало солнце медленно, нехотя, словно не желая освещать этот мир.

Только что они захватили шхуну, захватили легко, потому что сопротивляться было некому. Вахтенных на корме и на носу снял штурман Пендайс, который, увидев невдалеке чужую бригадину, не спал в эту ночь, и как только услышал возле «Архистар» тихий плеск вёсел, перерезал вахтенным горло. Остальных пиратов матросы зарезали в своих гамаках спящими, никто даже не проснулся. Боцмана Джонса и Марианну удалось схватить.

Боцмана вывели на палубу. Он был в своём чёрном платке, глаз не поднимал, а когда поднял, то капитану почудилось в них одно только отчаяние и ничего больше. У капитана заныло сердце, он опять попробовал поймать ускользающий взгляд боцмана, но ему это не удалось.

– Ты предал меня, Амиго. Предал из-за женщины, – сказал капитан. – Мне трудно будет тебя повесить, зато легко заколоть. Вот твоя сабля, мы будем драться.

Он протянул боцману его саблю в ножнах эфесом вперёд. Боцман нахмурил кустистые брови, поднял руку, медленно, словно нехотя, потянул саблю из ножен, и застыл так, с обна-

жённным клинком. Капитан отшвырнул его пустые ножны подальше на палубу, где их быстро поднял Платон.

Боцман опустил саблю и сказал:

– Нет, капитан. Я не могу с вами драться... Лучше заколите меня сразу.

Капитан презрительно усмехнулся, несколько раз ударил боцмана по плечу плашмя своей саблей и отступил назад, встав в позицию для боя.

Глаза боцмана загорелись, он взмахнул клинком, собираясь напасть, и тут же замер, пронзённый в грудь выпадам капитана. Тот выдернул клинок. Боцман упал, глаза его остекленели, и вскоре под его телом натекла лужа крови. Капитан помедлил недолго, глядя на тело боцмана, снял с себя перевязь и отдал свою окровавленную саблю Платону вместе с ножнами. Потом он посмотрел на пленную женщину.

Марианна была в одежде, в которой ходили тогда все моряки – короткие штаны и блуза, волосы стянуты в косу с надетым на неё кошелём из кожи. Этот наряд не добавлял ей привлекательности, но был прост и удобен на корабле. Она стояла и улыбалась, гордо откинув голову, но в глубине её голубых красивых глаз капитану почудилось смятение.

На палубе стояло кресло. Капитан приказал поднести его и медленно сел напротив Марианны, устало положив вытянутую ногу на ногу. Какое-то время он молча рассматривал женщину, подперев подбородок рукой, поставленной на подлокотник. Потом заговорил тихим, утомлённым, надломленным голосом. И первый его вопрос поразил и джентльменов, и команду, и, главное, саму Марианну. Та откинула рукой волосы со лба и всполошено впиалась в капитана глазами.

А задал ей капитан один очень простой вопрос:

– Где ваши дети, мадам?

Доктор Легг стремительно повернулся. Всё это время, зная, что сейчас произойдёт, он стоял и смотрел за борт, в море, словно старался отыскать там что-то светлое, чистое, незамазанное. Сейчас же он, удивлённо глянув на капитана, всмотрелся в лицо Марианны и уже не спускал с неё глаз.

– Я оставила их с соседкой, – ответила та.

– Как же вы, мать, оставили своих маленьких дочерей, а сами помчались куда-то?

– Я их потом собиралась забрать к себе.

– Куда? На корабль? К пиратам? – В голосе капитана слышалась горечь.

Марианна молчала.

– Пиратский промысел – очень грязное дело, – Капитан отвёл невидящий взгляд. – Это трупы, и крики, и слёзы, и вечный ужас быть пойманным, и деньги, нечистые, запачканные в грязи и крови, которых ничем не отмыть... А впереди опять тот же ужас, и та же грязь... И нельзя остановиться, и нет дороги назад, ведь за спиной маячит виселица. И этот ежесекундный кошмар не заглушить никаким вином.

Он замолчал, словно забывшись. Доктор испуганно глянул на сквайра. Тот, бледный, не отрываясь, смотрел на капитана.

– А ваши дети? Они, как их мать, вербовали бы своим телом себе команду? – опять спросил тот.

Марианна молчала. Потом вскинула глаза и с яростью крикнула:

– А если мне невыносимо считать каждый пенни, боясь, что их завтра не хватит? А если я умнее иных мужчин? А если рука моя тверда, а душа отважна!.. А если я знаю, что достойна другой жизни?

Словно в ярости она сорвала с головы кошель, распуская волосы, и швырнула его себе под ноги. Все на палубе оторопели. Капитан улыбнулся одними губами и сказал негромко:

– Я не против ваших мечтаний, мадам. Только мне не нравится, когда воплощаются они за счёт меня, моего корабля и моей команды.

Он замолчал, и с каждой минутой его молчание становилось всё тягостней. Марианна опустила голову, словно пытаясь собраться с мыслями, и доктор подался вперёд, чувствуя, что её мысли путаются сейчас в голове и разбегаются в смертельном страхе.

– Я не знаю, что с вами делать, – произнёс капитан. – По закону вы сейчас должны дёргаться в галстук... Подождём до завтра.

Лицо Марианны исказилось. Она сделала шаг к нему, в глазах её стояли слёзы. Золотистые волосы выбились из узла, их трепал ветер. Капитан поднялся и, не дожидаясь, когда Марианну уведут, пошёл в свою каюту. Больше в тот день он ни с кем не разговаривал.

К ночи над палубой и всем морем, и недалёким гвинейским берегом разнёсся плач его охотничьего рожка.

****

Наутро капитан приказал привести Марианну на палубу.

Скоро она появилась, бледная, дрожащая, с синевой вокруг глаз, и ветер играл её непокорными волосами, а поникшая шея была нежна и незащитна.

– Я отпускаю вас... Отпускаю из-за ваших детей. И ещё потому, что вы отпустили моих матросов, – сказал ей капитан и протянул кошелёк. – Возьмите деньги. Их хватит оплатить обратную дорогу в форт Энрике.

И вместо благодарности он услышал слова, которые Марианна прошептала словно бы про себя:

– Я всё сделала не так... Теперь бы я поступила по-другому.

Капитан глянул непонимающе. Она шагнула к нему, запрокинула лицо, с призывом и жадностью всмотрелась в глаза. Заговорила жалобно:

– О, как я жалею, что мы не встретились с тобой раньше! Не будь твоего отъезда в Атар – и всё вышло бы по-другому! Ах, как мне жаль!

– Не обольщайтесь. Меня трудно сбить с толку настолько, чтобы я забыл свой долг. «Архистар» не быть пиратским кораблём, мадам, – ответил капитан и, отворачиваясь, бросил через плечо: – Прощайте! Я больше ничего не хочу о вас слышать. Никогда!

Он кивнул, и к Марианне подошли матросы, чтобы посадить в шлюпку.

– Но ты обо мне ещё услышишь. Мы ещё встретимся, милый, – прошептала она, поворачиваясь от капитана, но слов её никто не услышал и не разобрал.

Когда джентльмены узнали, что Марианну высадили на берег, мистер Трелони воскликнул:

– Что же! Красивая женщина – мне было бы неприятно видеть её, болтающейся в петле. Но она её не минует! Ох, чует моё сердце!

– Да, не минует!.. А, кстати! Где Платон? – спросил капитан.

– Он потерял свой амулет. Решил поискать на берегу, где мы вчера сидели ночью. Может, в песок обронил, когда спал? – ответил доктор Легг.

– Как вернётся на борт, мы снимается с якоря. Если ветер не стихнет! И прислать ко мне Бена Ганта! – приказал капитан.

Когда Гант подбежал, он сказал ему официально:

– Мистер Гант! Кажется, вы раньше служили боцманом?

– Да, сэр, – ответил тот.

– Принимайте команду! Вы были славным матросом, я думаю, боцманом будете ещё лучшим.

Взгляд капитана затуманился, но он тряхнул головой и отпустил Ганта.

Скоро вернулся Платон и издали показал капитану свой амулет, покачав его на бечёвке над головой победным жестом. Он счастливо улыбался во весь рот, опять напоминая всем портового бристольского мальчишку, только большого и чёрного. Шлюпку подняли на борт, и капитан отдал команду:

– Боцман! По местам стоять! С якоря сниматься!

И Бен Гант побежал к матросам командовать.

«Архистар» развернула паруса. Она заскользила в море и пошла вдоль гвинейского берега.

За шхуной летели чайки, они кричали, дрались и бросались в волны.

****

Глава 1. Гвинейский берег

Это путешествие в Гвинею оказало влияние на жизнь капитана Линча не только в XVIII веке, но и на все последующие его жизни в другие времена.

Потому что именно здесь он встретился женщиной, изменившей его природную суть. Точнее, именно после этой встречи ему стало понятно, что он не такой, как все.

Но сначала ничего не предвещало этого.

Капитан, джентльмены и кок Пиррет высадились на берегу, узкий мыс которого основательно вдавался в океан. Там их шлюпку уже ждала орава полуголых африканцев и африканок с ребятишками. Перебивая друг друга, они кричали на разные голоса и тянули к морякам корзины. В корзинах лежали фрукты, но больше было гвинейской рыбы – плоских квадратных скатов с тонкими и упругими, как стальной прут, хвостами, серебристо-синих мелких акул, рыбы по имени «капитан» и рыбы «бонга», которую ловят ночью, когда она поднимается со дна на поверхность.

Оставив доктора Легга и мистера Трелони возле шлюпки любоваться красотами океана, а кока закупать фрукты и рыбу, капитан с Платоном ушли в факторию.

А океан, как огромное количество воды, впрочем, как и огромное количество любого другого вещества – явление по своей красоте исключительное. Мощно и плавно катил он свои воды к пологому берегу, и волны накатывали, вылизывая берег до идеальной чистоты и гладкости. Вскоре испёкшийся под солнцем мистер Трелони снял ботинки, засучил штаны, залез в воду, и тут же повернул назад, как ошпаренный.

– Да что такое, доктор? Этакая холодища! – сказал он, стремглав выбираясь на берег. – Солнце печёт всю – а не искупаться.

– А чего вы ещё ожидали от океана, сэр? – ответил ему доктор снисходительно, с видом опытного моряка.

– Ну да! Всё, как всегда. Ожидал «морских купаний», а тут – извольте, купанья океанические, – согласился Трелони, раскатывая штаны обратно.

Когда капитан вернулся, то рассказал, что нанял проводника, точнее, двух проводников:

– И самое любопытное, что это отец и сын... Отец – португалец, мне его рекомендовал капитан Бортоломео из Лисса, а сын – мулат... Наши проводники вам понравятся.

Проводники, которые поднялись на палубу к вечеру, и правда, понравились джентльменам.

Отец, дон Родригу – старый португальский аристократ знатного рода, в модном французском платье, был сухощавый, изящный, небольшого роста, с гордой, но чуть расслабленной, осанкой. Туфли и гладко выбритые щеки его сияли, напомаженные усы загибались кверху, седоватые густые волосы прикрывала шляпа.

В его сыне трудно было заметить признаки белой расы. Юноша имел чёрную, как уголь, лоснящуюся кожу, негритянские черты лица, и был невысокого роста, ладный и мускулистый. Звали его Жуан. Юный проводник разговаривал с Платоном у борта. Вместе со всеми за столом, поставленным на палубе «Архистар», он не сидел.

Дон Родригу поднял бокал и пригубил вино. Руки у него были старческие, в коричневых пятнах, но они не дрожали, а движения были чёткие и быстрые. Разговаривал он на неплохом английском языке.

– Мы, португалыцы, ещё в середине XV века называли Гвинею «Берегом ливней», – сказал он. – Вы прибыли к концу сухого сезона, джентльмены... Скоро, в июне, здесь начнутся страшные дожди, и тогда западная Гвинея, её горная часть с плато Фута-Джаллон, будет непроходима.

Отодвинув стаканы, капитан развернул английскую карту Гвинеи и сказал, показывая на ней пальцем отмеченную точку:

– Дон Родригу, нам нужно попасть вот сюда... Это возможно?

– В общем-то, да, – ответил португалец, всматриваясь в карту. – Сначала мы пойдём по территории Нижней Гвинеи, это два или три дня пути... Надеюсь, что дожди нас ещё не застанут – на побережье их выливается особенно много. Потом мы пойдём по землям Средней Гвинеи. Тут начинаются скалы из песчаника. Массив называется Фута-Джаллон. Хотя, в основном, там изобилуют саванны.

– Простите, дон Родригу, – перебил португальца доктор Легг. – А саванны – это где львы?

– Да... Львов в саваннах предостаточно... А ещё антилоп, буйволов, гиен и слонов, – португалец внимательно посмотрел на доктора и усмехнулся. – Но лучше будет нам со львами не встречаться.

– Да я просто так спросил, – сказал доктор, опуская глаза.

– А Фута-Джаллон – это ведь ещё и государство? – капитан вернул португальца к разговору.

– Да, государство кочевников фульбе... Образовалось лет пятнадцать тому назад. Почти все фульбе – мусульмане, но есть и фульбе-язычники. И это очень плохо для нашей экспедиции.

– А почему? – спросил капитан.

– Видите ли, господин капитан, там сейчас идёт война... Фульбе-мусульмане начали войну против племён дьялонке, а также против фульбе-язычников. Так что поставки слоновой кости на побережье практически прекратились, да и на ту кость, что есть, цены взлетели.

– Жалко, мы как раз хотели купить слоновую кость, – сказал мистер Трелони, до этого молчавший.

– Слоновую кость будет лучше купить в районе Гвинейского залива, – ответил старый португалец и добавил: – Кстати, там самые большие невольничьи рынки во всей Африке.

– Мы не интересуемся рабами, дон Родригу, – заметил капитан коротко.

Португалец быстро глянул на капитана, и взгляд его потеплел, потом он посмотрел на своего сына и ответил:

– Мне приятно это слышать. После рождения Жуана я стал по-другому относиться к работорговле... Теперь я, как видите – проводник.

– И нас это устраивает, – сказал капитан и протянул португальцу через стол руку. Тот крепко её пожал.

Джентльмены простились с проводниками до скорой встречи.

*****

Сначала, наняв лодки с гребцами-туземцами, они плыли по реке до первого порога.

В этом месте начинался первый уступ плато Фута-Джаллон, которое такими невысокими ступенями, медленно и неспешно, уступ за уступом, поднималось на северо-восток. Лодки повернули к берегу и причалили. Африканцы занялись устройством лагеря. Мистер Трелони достал зрительную трубу и принялся осматривать окрестности. Доктор Легг старался объяснить с чернокожими гребцами по-английски. Сначала он кричал, ругался, пытаясь им что-то доказать, потом, когда те, не слушая его, всё же перенесли все вещи на вершину холма, стал тихо и покорно улыбаться. Вскоре к нему на выручку пришёл Платон – он заговорил с гребцами на языке народности сусу.

С самого утра тяжёлые серые тучи заволокли небо, и, посмотрев вдаль на уступы гор, капитан увидел в этом безотрадном небе стаю птиц. Он вспомнил журавлей Московии, как они летят, вытянувшись в прямую линию, а потом перестраиваются клином, и ему почему-то стало грустно. Он опустил трубу и поправил платок на голове.

К капитану подошёл дон Родригу, аккуратный и подтянутый, словно бы он не сидел, скрюченный, все эти дни в лодке.

– На этом плато начинаются три самые большие реки всей западной Африки, – сказал он, проследив за взглядом капитана. – Нигер, Сенегал и Гамбия... Местные так и называют плато Фута-Джаллон – «Отец вод».

Капитан опять посмотрел вдаль. К подножию синих уступов подходила саванна. Плоская, местами выжженная до основания земля была покрыта редкой травой соломенного цвета. Тут и там из этой земли торчали совсем голые прутики, палки, деревца, кусты, высокие стебли сухих растений, и поэтому казалось, что саванна ошетичилась в ожидании дождя.

– Здесь всегда так? – спросил капитан.

– Нет, конечно, – ответил дон Родригу. – Просто сейчас земля выжжена за сухой сезон. Но само плато покрыто тропическим лесом. И скоро пойдут дожди, и воды будет столько, что... Сами увидите... Хотя климат в Средней Гвинее скорее засушливый.

Раздался звук барабана – это один туземец, устроившись на пригорке, весело бил в барабан. Белые зубы его сияли на чёрном лице.

– Барабанщик передаёт в другое племя, что они благополучно доставили нас сюда, – объяснил дон Родригу. – Скоро за нами придут другие проводники и носильщики.

Барабанщик перестал бить, сложил свои палки и словно прислушался. Так он сидел какое-то время, потом заколотил опять. Барабан был большой, устрашающего вида. Звучал он громко, воинственно, звук был сухой и резкий, он монотонно разносился окрест. Барабанщик опять прислушался и заулыбался, он словно услышал что-то. Скоро и капитан услышал далёкое «тэп-бум-тэп».

Гребцы лодок засобирались в обратный путь и скоро отчалили. Отряд остался на берегу среди разбитых палаток. Матросы стали разжигать костёр. К дону Родригу подошёл его сын.

– Жуан говорит, что он согласен с гребцами. Он тоже считает, что скоро пойдёт дождь, – сказал дон Родригу капитану. – Нам надо поторопиться с ужином.

С ужином расправились быстро, а потом все сидели у костра, и дон Родригу по просьбе мистера Трелони рассказывал о барабанах Африки.

– Ни одна смерть или рождение в тропической Африке, ни одна война или даже простая охота не обходятся без того, чтобы барабанный бой не разнёс эту новость от деревни к деревне, – говорил проводник. – Барабанщик на гвинейском берегу – очень важное лицо, у него в племени нет других обязанностей, он даже не смеет переносить свой барабан с места на место. Считается, что от этого он может сойти с ума, а в Африке очень бояться этого. Женщины также не имеют права прикасаться к барабану. И нельзя на барабане выстукивать некоторые слова – это табу.

– А какие слова, дон Родригу? – спросил доктор Легг.

– Например, нельзя выстукивать слова «череп» и «кровь».

– Значит, я не смогу послать сообщение своему коллеге?

– Почему? Сможете. Барабанные сообщения могут быть и очень сложными, и содержать сообщение о чьей-то болезни. Только без вашей подписи.

– Это как же?

– Ну, вместо вашего имени «мистер Легг» будет стоять что-то вроде прозвища: «красный человек» или «человек с зелёными глазами» – что-то понятное для африканцев, им знакомое.

Тут сквайр, хитро улыбаясь, вставил:

– Или «человек с волшебной трубкой»!

– Такое сообщение услышат на пять миль в округе... Главное, чтобы барабанщик не ошибся, – продолжал дон Родригу. – За ошибку барабанщику отрезают ухо.

У костра поднялся гомон – матросы обсуждали ухо.

– Как же они это делают? – спросил мистер Трелони, потирая свой шрам на щеке.

– Насколько я что-то понимаю, это такой музыкальный язык, – ответил проводник. – Обычные фразы превращаются в музыкальные такты. Секрет – в самих африканских языках: во всех словах каждый слог имеет основной тон – или высокий, или низкий. Изменяется тон – изменяется смысл слова. Искусный барабанщик передаёт сообщения, воспроизводя «мелодию» слов... Но барабаны не могут выразить идеи, с которыми туземцы не знакомы.

Капитан прикрыл глаза руками и так слушал дон Родригу какое-то время. Потом он отвернулся от костра, открыл глаза и посмотрел вдаль. Луны и звёзд сегодня не было, и саванна показалась ему будто залитой смолой. Треск цикад безуспешно пытался заглушить другие напевы саванны, незнакомые и потому пугающие. И тут раздался отзвук далёкого грома. У костра все смолкли.

– А не пойти ли нам по палаткам? – осторожно предложил дон Родригу. – Поспать перед дождём.

«А чем нам может помешать дождь», – подумал мистер Трелони, но спорить не стал и первым пошёл в свою палатку. Скоро лагерь затих.

Шквалистый ветер налетел ближе к утру. Он рвал и трепал палатки так, что все сразу проснулись, вскочили и стали с ужасом думать, что этот ветер вполне может унести палатки вместе с ними. Капитан зажёл фонарь и выскочил наружу.

Костёр погас, вахтенный матрос безуспешно пытался закрепить палатку, в которой были припасы отряда – яростный ветер рвал её у него из рук. Платон выскочил наружу за капитаном и бросился на помощь вахтенному. Капитан спешно обежал лагерь – ему навстречу торопились проснувшиеся матросы. И тут обрушился ливень, который заглушил собой все звуки на свете, кроме звуков рокочущего громом неба. Полыхающие молнии освещали страшную картину ненастья: трепещущие под ураганным вихрем палатки, перепуганные лица людей, которые мгновенно вымокли так, словно в одежде ныряли в реку.

Но ливень потушил бурю, которая утихла, а потом постепенно кончилась. Скоро разгорелся костёр из дров, которые предусмотрительно укрыл от дождя дон Родригу.

Все опять собрались у костра и сидели вокруг него уже до рассвета, стараясь просушить одежду.

****

После завтрака, когда солнце поднялось и снова заполыхало, стремясь безжалостно, до трещин, высушить разбухшую землю, капитан подошёл к доктору Леггу.

– Доктор, – сказал он. – Сейчас все свободные от вахты матросы будут фехтовать на саблях. И вы в том числе... Сегодня вам не удастся увильнуть, вы совсем плохо дерётесь.

Доктор молчал. Капитан не сводил с него глаз.

– Слишком сыро и грязно, – наконец, брюзгливо ответил доктор.

– Ничего... Можно, особо не двигаясь, тренировать только кисть. Она у вас совсем зажата, – капитан был напорист, чувствовалось, что он просто так не отстанет.

Доктор молчал.

– В чем дело, Джеймс? – с нажимом спросил капитан.

– Видите ли, капитан, – сказал доктор, закладывая руки за спину. – Я пришёл к выводу, что фехтование – это не моё кошачье дело... Я никому не хочу делать лишние дырки на теле.

– А я считаю, сэр, что это как раз – ваше кошачье дело, – сказал капитан сурово. – Вы лучше о дырках на своём теле подумайте.

Доктор упрямо молчал, опустив глаза, лицо его побагровело от гнева.

Тут капитан взял доктора за рубашку, потянул к себе и произнёс тихо, проникновенно глядя ему в глаза:

– И потом... Меня просил за своего сына дон Родригу. Он хочет научить Жуана сражаться на саблях. Покажите ему хотя бы «мулине». Это же так просто.

Доктор Легг оживился.

– Ну, если дон Родригу просил! Я с большим удовольствием, – сказал он. – Сейчас я возьму саблю.

И доктор Легг бегом направился в свою палатку. Капитан, отыскав взглядом дона Родригу, подошёл к нему и стал что-то тихо говорить. На лице старого проводника появилось изумление, несколько раз он глянул в сторону сына и, наконец, утвердительно кивнул изящной головой. Капитан бросился в свою палатку, а дон Родригу подошёл к Жуану и заговорил с ним. Жуан заулыбался. Вскоре вернулся капитан и вручил Жуану саблю.

Через какое-то время окрестности огласились звоном абсордажных сабель и азартными криками матросов, сражающихся друг с другом. Доктор стоял рядом с Жуаном и что-то ему показывал. До капитана, мистера Трелони и дона Родригу, которые уходили на охоту, доносился командный голос доктора, говорившего по-английски:

– Вытяни руку с саблей. Кисть должна быть в кварте... В кварте, говорю тебе! Это значит – вот так. Понял? Эфес на уровне подбородка. Кончик сабли слегка приподнят. Лезвие – наклонно вниз и влево. Вот так, смотри!

И доктор, встав в позицию, стал делать «мулине» – быстро-быстро водить запястьем, выписывая саблей по кругу диагонали и восьмёрки. Чувствовалось, что он очень старается. В общем, всё шло именно так, как и хотел капитан. Дон Родригу отвёл взгляд от пригорка с фехтующими и сказал капитану с тихой, удовлетворённой улыбкой:

– Жуан – очень смывлённый мальчик. У него должно получиться. И английский будет ему совсем не лишним. Я вам очень благодарен, капитан.

И джентльмены с проводником пошли в саванну, а через пару минут их догнал Платон.

– Зверей здесь много? – спросил мистер Трелони у португальца, на ходу поправляя на плече ремень своего патронной сумки.

– О! Огромное количество, – ответил тот, кротко улыбаясь. – Мы даже не пойдём никуда далеко от лагеря. Нам просто надо найти тропу, по которой антилопы идут к реке на водопой.

После небольшой паузы он продолжил:

– И что интересно. При таком огромном множестве, звери не мешают друг другу – все нашли своё место под здешним солнцем... Одни кормятся травой, другие – молодыми побегами кустарников, третьи поедают кору, четвёртые – только почки и бутоны. И даже побеги животные берут с разной высоты... Слоны и жирафы срывают их на высоте кроны дерева, газели дотягиваются до побегов, расположенных в середине дерева, а чёрный носорог, как правило, ест побеги у самой земли... Та трава, что нравится гну, совершенно не привлекает зебру, а та, что щиплет зебра, оставляет равнодушной газель. Она проходит мимо, даже не посмотрев на неё.

– А все вместе? – спросил капитан. – Они же всю траву миглом съедят!

– И этого не происходит, – уверил капитана проводник. – Дикие стада всегда в движении... Они никогда не выбивают пастбища, как это делают домашние животные. А огромные пространства позволяют траве полностью восстановиться за короткий срок. Но здесь вы видите не саванну, а только её маленький кусочек. Настоящие бескрайние саванны находятся севернее.

Было душно и жарко, страшно палило солнце, и мистеру Трелони вдруг показалось, что после ночного дождя красноватая земля на глазах зеленеет травой, он даже потряс головой, потому что решил или даже скорее ощутил каким-то внутренним озарением, что слышит, как лопаются почки, как скрипят о землю побеги, ползущие и лезущие из неё, как эти побеги распирает от влаги, и они кряхтят, вздыхают и охают от натуги и собственного удовлетворения. Он быстро оглянулся через плечо.

«Ну, конечно, травы стало больше, а вот тот куст на спуске так просто вдвое зазеленел», – подумал он... Как это у них здесь, однако, быстро происходит.

Тут раздался гортанный рёв. Охотники, повинаясь руке дона Родригу, пошли за ним в обход зарослей из кустарника и увидели семью антилоп – самца с большими вертикально закрученными рогами и трёх самок, которые, между тем, на них не смотрели. Кто-то другой отвлёк антилоп, и самец продолжал реветь. Вдруг из зарослей выскочил кто-то удивительно хищный, с пятнистым телом и длинным хвостом, посмотрел пристально в сторону охотников, прыгнул несколько раз огромными гибкими прыжками прочь и скрылся в дальних кустах.

– Это – гепард! – воскликнул дон Родригу. – Не трогайте его!.. Стреляйте в самца куду, пока он не удрал!

Капитан и мистер Трелони почти одновременно выстрелили. Самки антилопы бросились врассыпную, задрвав хвосты, а самец, сделав несколько шагов, закачался и упал. Капитан первым подбежал к нему – антилопа была мертва. И она была великолепна: серо-бурая шерсть с тонкими белыми поперечными полосками, большие рога, стройные ноги.

– Это – куду, малый куду, – сказал подошедший дон Родригу.

– Есть и большой? – спросил капитан.

– Да, он гораздо больше, – ответил проводник. – Но мы вспугнули гепарда!.. Вы видели? Мы испортили ему охоту!

– Ничего. Нам самим нужна пища, – сказал капитан. – Донести бы теперь.

И он с надеждой посмотрел на Платона.

– Донесём... До лагеря недалеко, – ответил Платон и, отложив свой мушкет в сторону, присел на корточки спиной к антилопе.

Капитан подошёл к голове антилопы, ухватил её за рога и ногу и сказал мистеру Трелони, глядя на него снизу вверх:

– На «раз-два-три».

На счёт «три» сквайр с капитаном подняли животное и взвалили его на плечи Платона. Платон закричал и, уцепившись за ноги куду, встал – куду лежал на его плечах, свесив голову на длинной гибкой шее. Капитан поправил на Платоне сбившуюся шляпу, подобрал его мушкет и бросил коротко:

– Пошли.

В лагере было тихо – не слышно было ни звона сабель, ни бравых вскриков. Матросов на пригорке тоже не было. Доктор Легг сидел в тени палатки, вытянув длинные ноги, и время от времени разморено водил кистью с зажатой в ней саблей, в который раз показывая Жуану очередное движение мулине. Жуан стоял перед ним в стойке, увлечённо повторяя движения. Он был бодр, хоть и вспотел, обнажённое по пояс чёрное тело его мокро лоснилось, но казалось, что жара и влажность на него совершенно не действует.

Увидев Платона, нагруженного добычей, доктор сунул саблю в ножны, отбросил её в сторону и быстро вскочил на ноги. Жуан подобрал свои ножны с земли, аккуратно вложил в них саблю капитана и подбежал к охотникам. Потом он отдал саблю отцу и стал помогать Платону сгружать антилопу на землю.

– А где все? – спросил капитан у доктора.

– Все извоились в грязи, как черти, и пошли к реке купаться, – ответил тот, ухмыляясь, потом он добавил, кряхтя и прогнувшись всем телом, чтобы размять поясницу: – Поздравляю вас с прекрасной добычей... А львов вы не встретили?

– Нет, ваши львы нам не попались, доктор, – ответил капитан.

– А это кто? – спросил доктор, с интересом глядя в антилопу.

– Это малый куду, – ответил капитан и переспросил: – А разве в реке нет крокодилов?

И тут он замер, уставившись на дону Родригу, который, побелев как полотно даже сквозь загар, стал спрашивать про крокодилов у Жуана по-португальски.

– О, господи, – выговорил чуть слышно доктор. – Я совсем забыл.

У Жуана вытянулось чёрное лицо. Он мгновение смотрел застывшими зрачками на отца и вдруг кинулся к костровищу. Там он выхватил из кучи хвороста топор, которым матросы утром рубили сучья для костра, и, подскочив к туше антилопы, стал отрубать у неё ногу целиком. Отсёк он ногу быстро, в три удара – лихо, чётко, мощно, потом закинул её на плечо и, подхватив окровавленный топор, бросился бежать к реке.

Капитан, который сначала удивлённо смотрел за действиями Жуана, встрепнулся, подхватил с земли заряженный мушкет Платона и кинулся за чернокожим проводником. Мистер Трелони, Платон и доктор Легг ринулись следом. Дон Родригу, потерянный и бледный, остался стоять в мгновенно опустевшем лагере, держась за сердце.

Чернокожий проводник, а следом за ним Платон и капитан, вылетели на берег реки и огляделись.

Берега у реки были разные: тот, к которому причалили их лодки и на котором сейчас они стояли и озирались, был выше, деревья теснились здесь у самой воды, уходя вниз по течению плотной массой. Противоположный берег был низкий, голый и песчаный. Между этими такими непохожими берегами текла река, ещё мутная после ночного дождя, и в этой мутной воде Жуан первый увидел пловца: кто-то из матросов плыл к их берегу, возвращаясь с середины реки. Остальные матросы подбадривали его криками. Жуан протянул руку с топором и показал им капитану на пловца. Тут к ним подбежали запыхавшиеся доктор Легг и сквайр. Жуан бросился вниз по тропе, оставленной здесь животными, идущими к реке на водопой. За ним по тропе сбежали и остальные, оскальзываясь на ещё не просохшей земле.

У самой воды чернокожий проводник бросил топор, уцепился двумя руками за ногу антилопы и стал крутиться, разматывая эту ногу вокруг себя. Потом он вскрикнул и с силой выпустил ногу из рук. Нога стремительно полетела в реку и упала с плеском в воду позади плывущего матроса, который от неожиданности перестал грести и обернулся назад.

И тут пловец увидел, да и все остальные увидели, как вода в месте падения антилопией ноги вскипела, и на поверхности показалось несколько дерущихся друг с другом крокодилов. Мощные хвосты и челюсти извивающихся чудовищ подняли на бурой воде волну.

Жуан закричал что-то по-своему. Капитан, вбежав в воду с мушкетом в руках, завопил пловцу что есть мочи:

– К берегу!.. К берегу греби, дубина! Что ты встал?

На берегу поднялся истошный крик. Пловец рванул к берегу и через минуту оказался в руках капитана и Платона, которые тянули его из воды за что попало. Выскочив на сушу, они оглянулись назад – в реке никого уже не было, и только длинные круги по поверхности напоминали о том, что здесь только что произошло.

– И подумать только, что новорожденные крокодилы питаются насекомыми! – с сердцем вскричал доктор Легг. – Какие огромные твари!.. Ужас!.. Мерзость!

Мистер Трелони стоял с широко раскрытыми глазами, он только открывал и закрывал рот, словно хотел что-то сказать и не решался. Капитан накинута на пловца – им оказался матрос Брусок, который на спор решил показать, как надо переплывать африканскую реку, да ещё при этом стирать одежду. Бледный Брусок глядел на капитана, вытянув по швам длинные руки и не в силах вымолвить ни звука – губы его тряслись, он всё ещё был не в себе от испуга. С его одежды, волос и бороды стекала вода, он представлял собой жалкое зрелище.

Жуана у реки уже не было. Матросы подхватили с прибрежной травы свою ещё влажную одежду, и гурьбой пошли в лагерь. По дороге матросов охватило какое-то ненормальное, взвинченное возбуждение – они смеялись, хлопали друг друга по плечам, вспоминая, кто первый предложил переплыть эту реку и как красиво летела по воздуху нога антилопы, спорили о длине крокодилов и об их количестве, и по мере приближения к лагерю крокодилов в этой истории становилось всё больше и больше, и они вырастали, просто разбухали в размерах.

– Чему радуетесь, черти? – наконец, осадил их капитан. – Что мы из-за вас, купальщиков, без ноги остались?

Грянул новый взрыв хохота. Так, гогоча, они и вошли в лагерь, где капитан сразу отыскал взглядом Жуана: тот стоял возле отца, что-то ему рассказывая, и были они удивительно непохожи – мускулистый чернокожий Жуан и изящный португальский аристократ. Капитан, а следом за ним доктор Легг и сквайр, подошли к проводникам.

– Дон Родригу, если бы не ваш сын, – сказал капитан. – Передайте ему от меня искреннюю благодарность.

Капитан протянул Жуану руку, которую тот охотно пожал, как и руки мистера Трелони и доктора.

Чуть позже стали разделывать безногую антилопу, шкура которой была испорчена, что, впрочем, не должно было повлиять на её вкусовые качества. К вечеру мясо начали жарить, потом есть. И целый день у костра слышались развесёлые упрёки в адрес матроса Бруска.

– Из-за тебя, с якорем тебя ешь, мы все без ноги остались, – говорил ему кто-нибудь нарочито свирепо.

– Хорошо, что у нас их было четыре, – вторил, ухмыляясь до ушей, кто-то другой.

И все смеялись. Брусок терпеливо сносил это, улыбаясь всем своим длинным лицом и покорно моргая глазами. Но только он вставал, чтобы идти из лагеря, его кто-нибудь обязательно окликал:

– И куда это ты похрял?.. Никак за ногой собрался?

Так продолжалось весь день, и до самого вечера матросы возбуждённо гомонили. Под конец кто-то из них сделал вывод, что крокодилы не едят английского матроса, и с ним все сразу охотно согласились.

– Самое удивительное, что матросы трезвые, – тихо сказал капитан уже ближе к ночи, когда джентльмены, поужинав и закончив дневные дела, разлеглись и расселись у костра.

– Да ладно, они просто здорово напугались, – ответил ему доктор.

– Я сам здорово напугался, – сказал мистер Трелони.

– Мы все здорово напугались, – успокоил его Платон. – Крокодилы нападают даже на львов и слонов.

– Ах, твою наперекосяк... Вот твари! – сказал доктор восхищённо и подложил в костёр ветку.

Костров сегодня почему-то было решено развести три, и на ночь оставить двоих вахтенных. Дон Родригу и Жуан сидели у костра с капитаном и остальными джентльменами. Жуан что-то сказал, и дон Родригу перевёл:

– Сын говорит, что крокодилы прекрасно передвигаются по суше, причём на большие расстояния... А мне рассказывали туземцы, что они могут даже скакать галопом, несмотря на свои короткие лапки и большой вес.

Джентльмены притихли.

– А не разжечь ли нам четыре костра? – вдруг спросил доктор.

– Завтра ночью разведём четыре, – сказал капитан. – Сегодня дров мало... А что вам ещё рассказывали, дон Родригу? Про крокодилов?

Дон Родригу мягко улыбнулся, сложил ладони вместе и прижал их к губам. Несколько секунд он молчал, собираясь с мыслями, потом пригладил усы и стал рассказывать, как всегда медленно и степенно, в своей необыкновенно приятной, завораживающей манере:

– Свою будущую добычу крокодил поджидает в воде... Возле самого берега. В ожидании может пройти несколько часов, прежде чем какая-нибудь живность подойдёт к водопою.

Услышав, что проводник стал рассказывать, к офицерскому костру потянулись моряки – всем хотелось послушать про крокодилов. Жуан, который ничего не понимал из того, что говорил его отец, смотрел на него с тихой улыбкой.

– И всё это время крокодил лежит под водой, – продолжал рассказывать португалец. – И только глаза и ноздри его находятся на поверхности...

Сквайр отвернулся от костра и посмотрел в саванну. После яркого пламени он ничего не различал какое-то время, а потом посмотрел вверх и увидел звёзды. Небо было сегодня свободно от туч, и оттуда, сверху, как из-под купола огромного величественного храма, на него смотрели миллионы синих, зелёных и багровых огней. И эти звёзды сверкали так, как никогда они не сверкают в Англии, и ему представилось, что это мерцание уж точно на что-то намекает, что-то хочет сказать ему, ему одному, и он, силясь понять смысл этих таинственных, загадочных речей, закинул голову и смотрел, и смотрел, не в силах оторваться, но уже начинал с горечью понимать, что ему никогда в жизни не разгадать этого...

– Что, мистер Трелони? Звёздами любуетесь? – раздался вдруг за его спиной голос доктора Легга.

Сквайр словно очнулся и обернулся.

– Да, в Африке сумасшедшие, просто какие-то мучительные звёзды, – продолжал доктор. – Смотришь, бывало, на них до одури, до умопомрачения смотришь, да так и пойдёшь с палубы, не поняв ничего.

Сквайр молчал, не зная, что на это ответить, он словно бы слов не мог найти. Где-то рядом, заглушая стрёкот цикад, раздался громкий смех матросов.

– А мы все уже спать пошли. Пойдёмте, дружище... Надо ещё намазаться на ночь от москитов и посмотреть змей в палатке – вдруг забрались, – сказал доктор и зевнул.

Не слыша ответа, он подозрительно глянул на сквайра, который по-прежнему сидел в той же позе, не шелохнувшись, и тёмными глубокими провалами глаз смотрел на него.

– Э-э, голубчик, однако, как вас развезло! Разве можно смотреть на африканские звёзды так пристально? – воскликнул доктор.

Он закрутил головой, высматривая кого-то, и вдруг закричал невозможно испуганным, всполошённым голосом:

– Платон!

Когда на его зов прибежал Платон, доктор Легг велел ему взять сквайра и отнести в палатку. Только тут мистер Трелони очнулся окончательно.

Он сердито отпихнул руки Платона, обозвал доктора «волшебной трубкой» и пошёл спать.

****

На следующее утро ничто, казалось, не напоминало им о вчерашнем происшествии с крокодилами.

Ночь прошла спокойно, дождя не было, но саванна на чуткий взгляд мистера Трелони продолжала зеленеть. Матросы уgomонились, но, когда кто-то из них в присутствии капитана попробовал возобновить вчерашнее подтрунивание над матросом Бруском, капитан осадил остряка.

– Джон, – сказал он ему строго. – Ещё раз услышу, мокну в смоляную бочку.

И все матросы сразу всё поняли, а когда новый день принёс и новые события, случай с крокодилами сам собою отодвинулся на задний план.

Около двенадцати дня, – джентльмены только-только закончили подводить и сверять свои часы, – вдали, со стороны Фута-Джаллон, показалась длинная цепь африканцев. Первым их увидел Жуан: он ожидал носильщиков именно сегодня и всё время смотрел в нужную сторону. Джентльмены и матросы, и без того вооружённые, напряглись, доктор Легг по знаку капитана скользнул в палатку к коробу с оружием, готовый по сигналу капитана доставать мушкеты. Но вот первые африканцы в цепи приблизились к лагерю, и дон Родригу и Жуан пошли к ним, дружески улыбаясь. Капитан, на лице которого ясно читалось облегчение, двинулся следом за проводниками.

Судя по приветствиям, которыми обменялись вновь пришедшие и проводники, к месту стоянки пришли именно те, кого ждали. Это были чернокожие высокие, хорошо сложенные и почти не одетые люди. Они расположились лагерем неподалёку, и через некоторое время у них запылал костёр, на котором они принялись жарить какое-то животное, убитое по дороге. Потом к ним потянулись матросы, сначала робко, явно стесняясь, потом смелее и развязнее, и скоро и те, и другие стали смеяться, что-то друг другу рассказывая, а больше показывая, размахивая руками и даже подпрыгивая.

И мистер Трелони, поглядывавший изредка в ту сторону, подумал, что все люди, в сущности, предельно одинаковы и прекрасно уживаются вместе, пока один не начинает угнетать другого, и тогда их отношения обязательно перерастают во взаимную неприязнь и даже ненависть. Он вместе с доктором Леггом и Платоном сидел у офицерского костра и принимал участие в беседе, которую капитан через обоих проводников вёл со старшим туземцем.

Это был рослый и статный мужчина зрелого возраста. Звали его Йаро, он был из племени мандинка и, в отличие от своих соплеменников, оказался одет в домотканую полосатую накидку, которая красиво оттеняла его тёмно-коричневую кожу. Негритянские черты его лица были приятны, волосы – очень курчавые, длинные, борода негустая, но хорошо развитая у подбородка. Его большие умные глаза не явно, но тщательно ощупывали белых людей и особенно капитана. Разговор шёл уже долго, но к сути своей так и не приблизился.

– Надо запастись терпением, – шепнул, предупреждая всех, дон Родригу.

Разговор по традиции шёл о погоде, о том, как туземцы дошли сюда, о здоровье семьи и урожае. Отвечая на неспешные вопросы Йаро, старый португалец успевал рассказывать англичанам о некогда могущественном племени мандинка, которое основало большое государство Мали и даже подчинило себе соседей.

Беседа длилась и длилась, и казалось, что ей не будет конца. Наконец, Йаро на мгновение прикрыл глаза тяжёлыми веками и что-то произнёс.

– Многоуважаемый Йаро говорит, что они снимутся с лагеря завтра на рассвете... Мы должны быть готовы, – перевёл дон Родригу.

Капитан церемонно поклонился. Предводитель мандинка встал и, ничего больше не говоря, направился в свой лагерь. Капитан поднял белёсые брови и хмыкнул.

Потом он объяснил джентльменам, что ему надо сделать кое-какие записи, и пошёл в свою палатку.

****

Они вышли в путь с восходом солнца, шли уже очень давно, а плато, которое, казалось бы, находилось от лагеря в двух шагах, что-то совсем к ним не приближалось.

Этот участок саванны, по которому они брели за отрядом носильщиков-мандинка, был совсем сухой, и доктору Леггу показалось, что они опять попали в пекло Сахары: раскалённые камни и земля обдавали его жаром снизу, беспощадное солнце пекло сверху, в глазах у него плыли круги, ноги уже давно налились ватной мягкостью, а во рту было сухо и отвратительно... Откуда-то налетели назойливые мелкие мушки. Эти серые живые тучи особенно одолевали: они лезли в нос, в глаза, повсюду... Калebas³ свой он уже и не помнил, когда опустошил, и сейчас мечтал только о том, как бы напиться воды... Любой, хоть из лужи.

Но вымочивший их несколько дней назад ливень не зацепил здесь, видимо, ни клочка земли, или она моментально высохла... «А может её выпили животные, чёрт их возьми совсем», – думал доктор, оглядывая саванну... Вон, побежал кто-то, целой стаей побежал, выпил всю воду и припустил радостно, задрав белые хвосты. Дон Родригу говорил, что местные чёрные могут чуть ли не сутки обходиться без воды. Интересно, а смогли бы они отказаться сейчас от холодного крепкого чая, да ещё с сахаром.

---

³ Калebas – сосуд, сделанный из калebasового дерева или высушенной тыквы.

К доктору, пропустив остальных, подошёл Жуан и пошёл рядом, искоса поглядывая на него. Доктор постарался улыбнуться и что-то сказать юноше, но в голову нечего не пришло, а улыбка получилась, наверное, очень вымученной, потому что Жуан вдруг остановился и потянул доктора за рукав. Доктор моментально встал, внутренне радуясь, что на какое-то время можно не шевелить ногами. Тут Жуан протянул ему свой калebas.

Доктор взял в руку сосуд-тыковку и ахнул – она была совершенно полная, приятно увесистая. Он вытащил деревянную пробку и припал губами к горлышку, сделав большой глоток – вода была даже холодная.

Тут сзади раздался голос Платона, который сказал доктору:

– Жуан говорит, что сейчас будет небольшой подъём, а потом мы напьёмся.

– Я готов подниматься, – сказал доктор и, вернув калebas Жуану, благодарно ему кивнул.

Они нагнали отряд и пристроились в хвост. Их путь запетлял между большими камнями, закрутился змеей и стал подниматься всё круче и круче, и скоро доктор уже лез вверх, цепляясь и за эти камни, и за землю, и за что придётся. Потом подъём кончился, и они, спустя какое-то время, вышли на высохшее болото, заросшее слоновой травой.

Через это болото, в туннеле из слоновой травы, шла тропа, и доктор пошёл по ней в общей цепи следом за Жуаном. Кто-то немаленький и явно тяжёлый протоптал эту тропу здесь на болоте – земля под ногами была изрыта большими глубокими ямами. Изредка их путь пересекали тропинки более узкие, испещрённые мелкими копытцами. Слоновая трава была высокая, больше десяти футов⁴ высоты, ветвистая и сухая, а длинные тонкие листья её неподвижно торчали в стороны. Некоторые стебли травы образовывали кусты толщиной в три фута, состоящие из многих-многих побегов. Подняв голову, доктор увидел высоко вверху над собой травяные соцветия – колосовидные метёлки длиной в целый фут.

Начался спуск в долину, и он был крут, а местами даже обрывист, но обвитые лианами деревья и кустарники, растущие на их пути, им помогали – при спуске все цеплялись за эти лианы, как за верёвки, и благодарили бога за то, что те оказались не колючие. Но внизу, в душной мари долины, солнце сильнее навалилось на доктора, и, хотя Жуан давал ему время от времени пить, голова у доктора вдруг закружилась, в глазах поплыли круги, и он почувствовал, что теряет сознание. У него хлынула носом кровь. Доктор, зажав себе нос рукой, закачался и стал медленно оседать на землю.

К нему бросились, подхватили и потащили куда-то. Потом доктор почувствовал, как он погружается в воду, а через секунду он уже пил и пил, и никак не мог остановиться. Потом он лежал в воде и приходил в себя, снова и снова переживая первое наслаждение от мокрой прохлады – сознание его постепенно прояснялось. Он находился в реке, на мелководье, над головой его высился обрывистый берег высотой в десять футов, а справа и слева от него стояли Жуан и Платон по колено в воде и сторожили его от крокодилов.

На обрыве сидел на корточках капитан и смотрел на них.

– Ну что?.. Будем подниматься? – крикнул капитан им вниз.

– А как мы сюда спустились? – спросил доктор у Платона.

Тот помолчал и ответил удивлённо:

– Не помню... Как-то спустились... Хорошо, что целы остались.

Капитан им уже сбросил верёвку.

Остаток дня прошёл без происшествий. На ночь отряд, преодолев ещё один уступ, остановился в лесу, в небольшой долине. Склоны уступа были совсем неприступны. Если бы не устроенные здесь кем-то многоступенчатые деревянные лестницы из рогатин, скреплённых лианами, забраться на отвесный обрыв высотой в семь футов было бы весьма сложно. Первыми

---

⁴ Фут – 30,46 см

по этим лестницам поднялись туземцы, поднялись легко, им даже не мешал груз, который они несли. Белым залезть на уступ помогла их морская закалка.

По традиции разбили два лагеря, и после ужина в лагерь белых пришёл предводитель Йаро. Его посадили возле костра и предложили ему отведать кофе. Йаро уже был знаком с кофе, он с достоинством поклонился и принял кружку. После кофе дон Родригу, по просьбе капитана, спросил у предводителя мандинка, сложен ли путь до Северных гор.

– Если идти от вашей деревни до высоких гор... Сложно туда попасть? – спросил дон Родригу.

Йаро понял и стал задумчиво качать головой, потом он погладил бороду и сказал:

– Там никто не живёт... Там когда-то жили люди, но однажды они бесследно исчезли... И остался там лишь злой дух в облике ужасного козла, пожирающего всякого, кто рискнёт появиться в тех горах. А само это место – окаменевшее тело богини плодородия, великой Меинтоа... И все, кто отважится поселиться там, исчезают, потому что богиня забирает к себе сначала мужчин и юношей, а за ними в её подземных владениях пропадают разыскивающие своих мужчин жены, матери и сестры.

Дон Родригу перевёл его слова, и от себя добавил, что ему кажется, что это совершенно обычные горы, ничего в них страшного нет.

– Вы проводите нас туда? – спросил капитан у Йаро.

Йаро выслушал дону Родригу и ответил:

– Передайте вождю Линчу, что идти или не идти куда-либо за нас решает наш колдун, а ещё вождь.

Капитан согласно кивнул. Платон что-то прошептал капитану на ухо. Капитан сказал дону Родригу, а тот спросил у Йаро:

– А не согласится ли достойный Йаро обменять нам два лука со стрелами?

– А на что будем меняться? – быстро спросил тот, он как-то сразу оживился, от его сдержанности не осталось и следа.

– На платок, – ответил Платон и бросился к своему мешку.

Вернувшись, он развернул платок и встряхнул его – платок был ярко-красный, из тонкой бумажной материи. Глаза Йаро загорелись, он согласно кивнул и протянул руку за платком. Получив платок, Йаро стал прилаживать его на голову. Платон помог ему, а Жуан протянул Платону зеркало, и тот показал Йаро его отражение. Йаро жадно смотрел на себя в зеркале, потом с большой неохотой выпустил зеркало из рук.

Когда он ушёл из лагеря, мистер Трелони с усмешкой спросил у Платона:

– Из луков с Жуаном пострелять хотите? У вас же настоящее оружие есть.

Ответил сквайру капитан.

– У лука, мистер Трелони, перед огнестрельным оружием есть два огромных преимущества, – сказал он. – Это бесшумность и большая частота выстрелов... Были бы стрелы... Пусть Платон с Жуаном стреляют, это может пригодиться.

Ночь прошла спокойно, а вот утром, перед завтраком, к доктору, сидящему у костра, подошёл сзади матрос Брусок и что-то стал шептать ему на ухо.

– Дик! Как ты умудрился? Мы же все в платках! – вскричал доктор, он вскочил на ноги и потащил матроса за руку от костра.

Через некоторое время доктор вернулся, удручённый и растерянный.

– Что случилось, доктор? – спросил его мистер Трелони.

– Случилось то, чему и следовало случиться! – воскликнул тот с сердцем. – У наших матросов вши!.. Я их всех послал мыться и вычёсываться к ручью... Потом буду их мазать серортутной мазью.

– Ну, что вы хотите, доктор? Первые упоминания о вшах встречаются уже в трудах Аристотеля! – сказал мистер Трелони успокаивающе.

Доктор расстроено поджал губы. Он ещё какое-то время потоптался у костра, явно не находя себе места, потом решительно направился в палатку, вышел оттуда со своей сумкой в руках и устремился в сторону ручья. С ним пошёл Жуан. Дон Родригу проводил сына долгим взглядом.

Капитан с Платоном уже разделали тушу сегодняшней добычи, они стали отрезать от неё куски и нанизывать их на толстые прутья. Из лагеря туземцев доносились неясные звуки, мистер Трелони время от времени напряжённо посматривал в ту сторону.

Матросы, доктор и Жуан вернулись в лагерь, когда мясо было уже почти готово. Скоро все тихо принялись за еду, изредка обмениваясь замечаниями. Неловкую тишину нарушил доктор, которого последний эпизод с матросами явно вывел из себя.

– А вы думаете, почему в старину все ходили исключительно в шляпах? – вдруг спросил он высоким голосом. – Посмотрите на парадные портреты вельмож!

– Ну, вы уж скажете, доктор, – откликнулся сквайр. – По-вашему, из-за вшей? Фи... И потом, мы тоже ходим в шляпах.

– Конечно, ходим – того и гляди подцепишь какую-нибудь заразу, – проворчал доктор и вдруг заговорил совсем другим, вдохновенным тоном. – Но я верю, что в будущем, лет через сто, шляпы носить никто не будет... Они отомрут. Останутся, если только для красоты.

– Ну, доктор, вы неисправимый фантазёр, – ответил мистер Трелони, улыбаясь.

– Да точно вам говорю! – вскричал доктор обиженно, потом примиряюще продолжил. – Ну, хорошо... Ну, не через сто – пускай через двести, через триста... Люди не будут носить шляпы... Шляпы останутся только у тех, кому они действительно нужны – у воинов или у моряков!

– Доктор! Вы завираетесь! – воскликнул капитан восхищённо.

Доктор Легг заулыбался, склонил голову на бок и оглядел всех добрыми глазами: матросы, которым надо было идти за дровами, отходили от костра, беззлобно посмеиваясь, дон Родригу отечески шутил, у Платона рот был до ушей, а мистер Трелони, сидя по-турецки, насмешливо качал головой, как китайский божок.

– Да что это за жизнь за такая – никогда не соври? – закричал вдруг доктор громко и возмущённо.

И у него было такое обиженное лицо, что все вокруг содрогнулись от хохота – даже Жуан, который не понял из сказанного ни слова.

****

Глава 2. Олиба из племени мандинка

Вереница носильщиков вошла на окраину деревни и стала складывать груз.

Капитан огляделся – деревня казалось довольно большой. Утоптанная ногами земля была тесно заставлена круглыми хижинами с высокими коническими крышами из сухой слоновой травы. Возле хижин, дверные проёмы которых занавешивали травяные циновки, на корточках сидели женщины и что-то делали по хозяйству. Тут же в пыли копошились куры и дети. Ни садилов, ни огородов вокруг хижин не было. Только редкие высокие деревья затеняли иные строения. Мужчин капитан не заметил.

Увидев подошедший караван, женщины поднялись и бросились встречать своих родных. На белых людей никто не смотрел, что, впрочем, их вполне устраивало. Йаро отвёл гостям место для палаток, и скоро матросы и джентльмены занялись обустройством своего лагеря. Потом у круглых хижин появились чернокожие мужчины, и по деревне прошло словно бы движение, словно бы воздух сгустился и стал ещё жарче, насыщеннее. Йаро, который всё время находился поблизости от белых, подошёл к ним и объяснил португальскому проводнику:

– Мы как раз успели к празднику... К празднику освящения нового барабана племени.

Он был мрачен и напряжён, джентльмены не видели его таким настороженным ни разу за всё время пути.

– Что случилось? – спросил у него дон Родригу.

Йаро поднял на него глаза и сказал нехотя:

– Новый барабан племени по традиции должен быть освящён человеческой кровью...

Барабан не сможет говорить, как надо, пока он не услышит предсмертные хрипы жертвы.

– И кто эта жертва? – спросил португалец.

– Никто не знает... И сама жертва сможет узнать об этом в последнюю минуту, – сказал африканец и горько улыбнулся. – Вождь Драаго сам выбирает жертву.

Когда дон Родригу перевёл это, капитан приказал усилить бдительность, проверить порох в пистолетах и никуда не ходить поодиночке. Потом остатки утренней дичи были зажарены на костре, возле которого собрался весь отряд. Дон Родригу, уже по традиции, стал опять рассказывать, и сейчас он рассказывал о барабанах.

– На Гвинейском берегу говорят, что вначале Создатель Мира сотворил Барабанщика, Охотника и Кузнеца, – сказал он. – И Барабанщик здесь стоит на первом месте по значимости. Потому что изготовление барабана – старинное и удивительно сложное ремесло, которое сродни нашему искусству лить колокола. Все барабаны не похожи один на другой. Деревянный барабан вырезается несколько месяцев, а если в последнюю минуту мастером будет допущена ошибка, вся работа пойдёт насмарку.

У деревянного барабана есть узкая длинная щель и вырез в виде «губ». Эти «губы» регулируют звучание барабана и дают ему два голоса – мужской или женский. Такие барабаны покрываются ритуальной резьбой и иногда используются парами, один женский, второй мужской. На их обтяжку идёт кожа с ушей слона. У мужского барабана тон низкий, а маленький кусочек железа, который кладут в него, придаёт ему грубоватый оттенок. Женский барабан производит высокие по тону звуки.

Ещё есть барабаны, сделанные из тыквенного калебаса. У них «бронзовое» звучание, их используют, как аккомпанемент к танцам на праздниках. Знаю я ещё барабан, который был сделан из бедренной кости вождя с узкой полоской кожи, натянутой от одного её конца до другого. Видел я и барабан из целой шкуры антилопы, натянутой на плетёный каркас. Но больше всего мне запомнился барабан из кожи белого работяги, который по неосторожности или по безмерной алчности сам проник на Фута-Джаллон и пытался забрать в плен одно небольшое племя. Его убили собственные носильщики, о чём они мне потом с гордостью рассказали.

После этих слов дон Родригу довольно улыбнулся.

****

Ближе к вечеру не遠далеке стал бить деревенский барабан.

– Барабан зовёт всех на праздник, – сказал дон Родригу. – Мы должны ждать, когда за нами придут и позовут нас... Может быть, нас ещё и не пригласят.

Но их пригласили – за ними пришёл Йаро и сказал, что вождь племени зовёт их на праздник. Капитан оставил троих вахтенных возле палаток, остальные пошли на площадь, которая оказалась не такой и большой, но вокруг которой собрались, наверное, все жители деревни. И эти жители были невеселы. Они робко жались за спины друг друга и, молча поглядывали на новый барабан, стоящий здесь же, возле костра. На краю площади росло громадное дерево, и его пышная крона бросала тень на всю площадь. Горбатые, выпирающие из земли корни, поддерживали его могучий ствол, и под этим деревом сидел на небольшом возвышении вождь Драаго.

Это был чернокожий мужчина зрелого возраста, плотный и круглолицый, одетый в просторную белую тунику. Его спину покрывала, свисая с одного плеча, шкура леопарда. Позади вождя стояла молодая африканка, и она привлекла к себе внимание моряков больше, потому что была красива всем великолепием негроидной расы.

На голове её возвышалась туго заплетённая причёска, похожая на петушиный гребень, на чёрных руках мягко светились толстые, в три пальца толщиной, браслеты, отлитые, не иначе, как из старых серебряных монет. В отличие от других женщин деревни она была одета в светлую ткань, которая мягко драпировала её фигуру. Глаза у женщины были чёрные и блестящие, как зрелые маслины, а вид был серьёзный и даже суровый, но мистеру Трелони почему-то показалось, что в обычные дни весёлая белозубая улыбка не сходит с её лица.

– Это Олиба, главная жена вождя, – тихо сказал англичанам дон Родригу.

К вождю подошёл мальчик и что-то прошептал ему. Вождь Драаго округлил глаза, потом кивнул и легко, для своего веса, поднялся на ноги.

Барабан тут же смолк, вождь заговорил, и дон Родригу стал переводить англичанам его слова.

– Наш колдун не придёт на праздник, – громко сказал вождь. – Он молится нашим богам... Но он всё видит, всё слышит и всё знает наперёд... Он просил начинать без него, и мы начнём, если он того хочет.

Жители деревни зашептались, видимо обсуждая это известие. Вождь Драаго, между тем, продолжал:

– В деревне теперь будет новый, очень большой барабан... Очень большой... Такого барабана, я думаю, нет в округе ни у кого... И я очень доволен... И боги будут довольны... И Аллах будет доволен.

Тут он стал высматривать кого-то в толпе, протянул длинную руку, призывно замахал пальцами и сказал:

– Новый барабан сделал наш мастер Бадиба... Очень умелый мастер... Вы это все знаете.

Из толпы к вождю быстро подошёл, даже подбежал невысокий седой мужчина. Он счастливо улыбался во весь рот, зубы его сияли на чёрном лице, руки поправляли праздничную одежду, видимо, непривычную ему. Он встал рядом с вождём, поглядывая на него, поглядывая на окружающих. Было видно, что он очень гордится своим барабаном, над которым работал так долго, и очень гордится своим мастерством. Вождь опять стал что-то говорить своим людям, видимо что-то приятное, потому что жители улыбались.

А потом из-за дерева вышли два воина в раскрашенных масках и стали приближаться к вождю и барабанному мастеру, и вождь, не переставая говорить, стал поглядывать на них, косясь глазом. Воины шли медленно. Они несли вдвоём ещё одну маску, а в руках у них были длинные ножи. Жители на площади словно впали в оцепенение, и по мере продвижения вои-

нов, это оцепенение нарастало, ширилось, улыбки на губах жителей уже давно погасли, и теперь на их лицах читался животный ужас, и этого не замечал только барабанный мастер, стоящий к воинам спиной. Но скоро и он обернулся, и обомлел.

Воины подошли к мастеру и протянули ему маску. Мастер отпрянул, затряс головой и то ли замычал, то ли заскулил, широко и бессильно раскрывая толстогубый рот. Вождь Драго хищно осклабил и шагнул в сторону, освобождая воинам место. И вот один воин размахнулся и всадил нож в живот мастера, и мистеру Трелони показалось, что он услышал, как глухо стукнул нож о позвоночник. Мастер упал на колени, потом завалился на бок. Он лежал на земле и держался за нож, торчащий из его живота. Второй воин нагнулся, надел на мастера маску, потом вместе с другим воином он подтащил несчастного к новому барабану и там своим ножом перерезал ему горло. И тогда в оглушающей тишине маленькой площади все услышали предсмертные хрипы жертвы.

Толпа, как один человек, возбуждённо застонала. Деревенский барабанщик, положив на землю старый барабан, бросился к новому, встал на валун и благоговейно ударил по барабану палкой, потом ещё, и ещё, и скоро он уже бил в новый барабан, и лицо его с закрытыми глазами играло, менялось следом за ритмом, а толпа ликовала, ревела и выла, над толпой висел глухой гул, а у барабана лежал его мастер в луже крови, но на него уже никто не смотрел.

Поздно вечером, когда англичане сидели у костра, в лагерь пришёл Йаро и сказал, что они должны ждать решения колдуна – идти им или не идти в Северные горы.

– Зачем вождь убил мастера? – спросил дон Родригу у Йаро.

Йаро поднял брови и раскрыл светлые ладони.

– Чтобы мастер никогда и некому не сделал больше такого большого барабана, – ответил он и склонил голову набок.

Потом он цепко посмотрел на капитана и произнёс:

– Наш вождь только кажется сильным и могучим... На самом деле он – баба. Это многие понимают, многие наши мужчины не хотят, чтобы он был нашим вождём... Но они боятся мести колдуна. Если бы белые люди убили вождя, наши мужчины бы обрадовались. И тогда они отвели бы чужестранцев в Северные горы.

Когда португалец перевёл эти слова, джентльмены онемели. Капитан сидел и смотрел на Йаро, не зная, что ответить на такое откровение. Потом сказал:

– Это так просто не решается... Мне надо хорошо обдумать ваше предложение.

Наверное, чтобы как-то сгладить неловкость, мистер Трелони поспешил заговорить:

– А главной жене вождя эта жертва, кажется, не понравилась... Все видели её лицо? Хотя остальные были счастливы, что зарезали не их.

Дон Родригу перевёл. Йаро что-то пробормотал в ответ и быстро ушёл.

– Что он сказал? – спросил у португальца капитан.

Дон Родригу поднял на капитана пустые глаза и ответил:

– Он сказал, что барабанный мастер был отцом главной жены вождя.

Спать джентльмены в этот вечер легли поздно.

****

Утром, когда мистер Трелони и доктор Легг вылезли из палатки, они увидели, что все жители деревни опять столпились возле своих хижин.

Они собирались кучками, переговаривались между собой, а над всей деревней словно бы повисла, разрастаясь и угрожающе сгущаясь с каждой минутой, тягостная атмосфера.

– В деревне сегодня ночью кто-то умер, – объяснил дон Родригу.

– Ну, и конечно, во всём виноваты приезжие, – воскликнул доктор с сарказмом в голосе.

– Нет, этого никто не говорит... Пока не говорит, – ответил португалец, он был серьёзен и даже насторожен. – Сейчас будет «опрос покойного».

– Что будет? – переспросил удивлённый мистер Трелони.

– Родственники умершего считают, что он умер не своей смертью, – принялся объяснять португалец. – И, чтобы найти злодея, который навёл порчу на их близкого, они пригласили своего колдуна, очень уважаемого в племени... Здешний колдун – он не из этих мест, а всем известно: чем дальше место рождения колдуна, тем сила его крепче.

– А может несчастный туземец умер от страха? – перебил португальца доктор. – Я на его месте точно бы отдал концы после вчерашнего.

Тут мистер Трелони задёргал доктора за рукав.

– Смотрите, доктор, смотрите, – зашептал он. – Когда вы ещё такое увидите?

Доктор обернулся туда, куда глядели все жители деревни и откуда уже какое-то время доносился мерный звук барабана.

По направлению к деревне медленно брела процессия, впереди которой шёл очень маленький чернокожий человечек, почти полностью погребённый под шкурой крокодила. На его голове, подобно грандиозной остроконечной шапке, возвышалась крокодилья морда, на плечах лежали передние лапы крокодила, а задние лапы, как и всё крокодилье тело и длинный-предлинный хвост волочились за ним по земле, вздымая пыль. Человечек бил в маленький барабан с резким, пронзительным звуком. Следом двое рослых африканцев несли на плечах покойного, который лежал на носилках, сделанных из жердей, веток и травы.

Приблизившись к жителям, колдун перестал бить колотушкой в барабан и стал медленно, нараспев, временами понижая голос почти до шёпота, произносить что-то... «Заклинания», – подумал сквайр, и ему вдруг стало не по себе. Он впился взглядом в лицо колдуна, и в свете наступающего дня хорошо рассмотрел его.

Колдун был очень, очень старый. От старости его чёрная кожа местами приобрела сероватый оттенок, но она не висела на нём. Она словно была натянута на сухонькие ручки и ножки колдуна, который, между тем, производил впечатление физически сильного человека, и вся фигура его излучала ощущение силы и мощи, а взгляд яростных, мутных и каких-то красноватых глаз потрясал... «Очень могущественный колдун», – подумал сквайр и покосился на доктора.

Доктор Легг стоял, исподлбоя глядя на происходящее, и весь как-то покривившись всем телом. Он не ухмылялся, как всегда, только потому, что рот его от брезгливости был перекошен на сторону.

– Доктор, перестаньте так кривиться, – зашептал мистер Трелони. – Колдун может вас увидеть.

Доктор сжал губы и, подняв брови, часто-часто заморгал невинными глазами. Мистер Трелони наступил ему на ногу. Доктор придушенно ойкнул, отпрянул и выпрямился.

А колдун, кончив произносить заклинания, вдруг запел пронзительным голосом, и все присутствующие хором подхватили его похоронную песню невозможно печальными голосами. У сквайра на глазах почему-то выступили слёзы, хотя умершего он совсем не знал и даже не видел ни разу. Ноги сами понесли сквайра вместе со всеми за процессией, которая пошла по деревне.

– Вы куда это? – зашипел на него доктор, ухватив за руку.

– Я только посмотреть, – пробормотал сквайр, рассеянно оглядываясь на доктора. – Я только на минуточку.

– А вас не отпущу одного, – сказал доктор решительно. – Пойдём вместе.

– Идите, господа, идите. С вами будет Жуан, – разрешил им дон Родригу. – А я здесь подожду остальных, они скоро придут с охоты.

Доктор и мистер Трелони вместе с Жуаном, который неотступно следовал за ними, пошли догонять процессию. Через некоторое время они почему-то оказались в её первых рядах: то ли туземцы их опасливо пропускали, то ли сквайра неудержимо влекло вперёд, но скоро они уже шли сразу за носилками с покойным.

Носильщики со своей скорбной ношей медленно обходили деревню и вдруг остановились, а потом забились всем телом, как в припадке. Колдун оглянулся на них, перестал петь и подошёл ближе. Общее пение постепенно смолкло, наступила гробовая тишина, в которой слышалось только хриплое дыхание африканцев, бьющихся в конвульсиях с мёртвым телом на плечах.

Сквайр рванул в сторону, пробираясь поближе к происходящему, и постарался просунуться вперёд, чтобы лучше всё видеть.

Доктор Легг и Жуан бросились за ним, а носильщики вдруг стали подпрыгивать и выгибаться в стороны, и потом они пустились бежать вместе с мёртвым телом, которое тряслось и билось у них на плечах, рискуя выпасть из носилок. Они бежали, словно их неудержимо влекло обоих в одном направлении, продолжая совершать огромные прыжки, дёргаться, извиваться и взвизгивать, и на губах у них выступила пена, а тела их стали мокрыми, скользкими и блестящими от пота, вокруг и запахло потом, резко и нестерпимо, а колдун бежал за носильщиками, что-то угрожающе крича, и там, где он бежал, уже никто не смел бежать, все словно боялись наступить или на хвост крокодильей шкуры, или на землю из-под ног колдуна.

Наконец, обежав почти всю деревню, носильщики вдруг разом встали и, опустив с плеч свою страшную ношу, бросили её под ноги какому-то туземцу, а колдун поднял руку и указал на этого человека. Туземец задрожал и медленно, словно ноги его подломились, упал на колени, безвольно уронив руки и свесив голову на грудь. Из толпы выскочили люди, схватили туземца и, яростно вопя, поволокли куда-то. Колдун последовал за ними, а за колдуном на почтительном расстоянии двинулась и вся возбуждённо орущая толпа.

Что было дальше, сквайр уже не видел, потому что к ним подошёл капитан, и доктор Легг закричал ему трясущимися губами:

– Капитан, пойдёте отсюда!

Вечером у костра, конечно, стали говорить о колдунах, о похоронах и сегодняшнем происшествии. Жуан знал о колдунах почти всё, и дон Родригу стал неспешно, посматривая на своих слушателей умными глазами и изредка улыбаясь, переводить его слова:

– Чтобы превратиться в хищника, колдун набрасывает на себя шкуру зверя, в которого он хочет обратиться. Это может быть крокодил, леопард или гиена... Такой оборотень тёмными безлунными ночами крадёт жизненную силу у своих жертв. Затем, когда приговорённый им человек умирает, колдун после похорон выкапывает труп из земли, оживляет его, делая «зомби», – ожившим мертвецом, – и тут уже во второй раз убивает и поедает его тело. Иногда же колдун превращает «зомби» в своего безропотного слугу и приказывает ему идти туда, куда он пожелает, и совершить какое-нибудь страшное преступление... А распознать оборотней и колдунов можно по красным глазам, сероватой или светлой коже и пронзительному, просто таки, огненному взгляду, которым они и поражают внутренности обречённых на смерть людей...

Потом дон Родригу сделал глубокую паузу, пригладил усы, и произнёс таинственно:

– И чтобы не накликать беду на уважаемых колдунов, называть их по имени запрещено.

– Нет, в этом всё-таки что-то есть, – выговорил потрясённый сквайр. – Вот взять хотя бы сегодняшний случай.

– Мракобесие в этом есть, мистер Трелони! Мракобесие и больше ничего, – яростно забубнил доктор.

Сквайр растерянно улыбнулся и проговорил с запинкой, вспоминая недавнее:

– Носильщики так прыгали, а между тем... Покойник у них не упал с носилок.

– Не упал, потому что был привязан! – зашипел в ответ доктор.

– Как привязан? – воскликнул сквайр.

– Крепко! Травой! – доктор почти кричал. – Травой он был привязан!

– Но у них шла пена изо рта... И эти конвульсии, – упорствовал сквайр.

– Ваш дорогой колдун дал им что-нибудь выпить!.. Или они грибов объелись! – прокричал доктор и криво ухмыльнулся.

– Тише, господа, вы разбудите деревню, – негромко сказал капитан.

Джентльмены перестали спорить, они молча смотрели друг на друга, сверкая глазами. В наступившей тишине вдруг раздался голос дона Родригу.

– Когда этого несчастного тащили, он кричал: «Я ни в чём не виноват», – произнёс он, и помолчав, добавил: – Мне рассказал Жуан.

Мистер Трелони посмотрел на доктора и судорожно сглотнул.

****

Ночью капитану приснился сон: он тонул в Северном море и падал на дно Доггерлендской банки.

Глаза его были открыты, руки подняты к голове, он быстро и неудержимо скользил ногами вниз, словно увлекаемый сильным подводным течением. Мимо его глаз в сизой прохладной мгле воды проносились пистолеты и ножи всех образцов и времён, они шли на дно быстрее его, но всё же он успевал выхватить, выдернуть взглядом из общего великолепия этого тонущего арсенала особо понравившиеся ему экземпляры, и в этом не было ничего странного... «Так и должно быть и так всегда бывает, когда тонешь», – думал он, глядя на стремительно летящий от него кинжал эпохи Реформации. Кинжал крутило, развёртывая всеми гранями, поворачивало и, наконец, втянуло в возникшую вдруг далеко на дне песчаную воронку, которая разрасталась, ширилась и скоро поглотила капитана целиком.

В следующий миг он понял, что стоит на песчаном дне: песок был светлый, волнистый, причудливо извилистый, какой и бывает обычно на отмелях. Во все стороны от ног капитана по этому песку тянулись резкие тени, и их было много, и они крутились вокруг его ног в одном направлении, как стрелки огромного циферблата. Потом вода, в которой он стоял, неровно окрасилась красным, алым красным, и этот цвет рос, пульсируя и растворяясь, но становясь почему-то ещё ярче, ещё насыщеннее.

И когда капитан перестал уже что-либо видеть и понимать в этой кровавой и мутной воде, он испугался до ужаса и открыл глаза.

****

Доктор Легг заметил этих муравьёв ещё утром, когда те только-только начали укладывать себе дорожку песком.

А вот когда муравьи хлынули потоком мимо их лагеря, тут уж он от них вообще не отходил. Наблюдать за муравьями было интересно. Иногда к доктору приходили матросы, хмыкали, крутили головами и опять уходили.

По бокам муравьиной тропы, сцепившись лапками, держась друг на друге и создавая своими телами своеобразный живой коридор, стояли в несколько рядов чёрные крупные муравьи, вооружённые мощными челюстями... «Охранники», – сразу решил про них доктор. Что челюсти мощные, он убедился в ту же минуту, как попробовал расцепить «охранников» пальцем. Кусались «охранники» пребольно, вгрызаясь всем телом.

– Вот мерзавцы, едрит твою через лапти, – сказал восхищённый доктор.

Он с трудом сбил кусачих «охранников» с пальца – палец горел, как в огне. Доктор, морщась, принялся растирать его.

Внутри коридора из грозных «мерзавцев» туда-сюда сновали мелкие «рабочие» муравьишки, таскавшие личинки. Причём одни муравьишки выносили личинки и тащили неизвестно куда по этому живому коридору, а навстречу им, параллельным курсом, бежали муравьи уже безо всякой ноши, спешившие, не иначе, за очередной порцией яиц. И те, и другие не сталкивались и друг другу не мешали.

Хитрый доктор взял веточку и пошевелил ею муравьиный поток. Тотчас же боевые муравьи пришли в страшное беспокойство – они разбежались в стороны, всем своим видом

показывая, что дадут отпор любому врагу. Доктор отступил. Боевые «мерзавцы» опять сцепились на «обочине». Доктор взял камушек и положил его в середину муравьиного потока. Камушек тут же оказался облеплен «охранниками»: они тащили его медленно и незаметно глазу, но через несколько минут камень был выдворен с муравьиного пути.

Тогда доктор, довольно посмеиваясь своему коварству, взял камень покрупнее и положил его прямо на бегущих муравьёв. Всё повторилось сначала: «охранники», убрав раздавленных собратьев, облепили камень, но почувствовав, что им с ним не справиться, стали устраивать под него подкоп. Рабочие муравьи в это время обтекали преграду, но скоро они благополучно вернулись в прежнее «русло».

Мимо лагеря белых по широкой тропе прошли туземные женщины с ношами на голове, за ними бежали дети. Доктор исподтишка покосился на них: женщины были молодые и стройные. В сторону лагеря никто из них опять не смотрел, словно бы его и не было, но от толпы женщин незаметно для всех отстала девочка лет семи.

Она, как заворожённая, глядела на доктора и боком-боком подходила к столбу, гладкому и белёсому, стоящему здесь на обочине тропинки, видимо, бог знает с какого древнего времени. Девочка обхватила столб рукой и закрутилась вокруг него на одной ножке, дрыгая второй. При этом она улыбалась и умильно, или даже кокетливо поблёскивала на доктора своими чёрненькими глазками.

– Красотка-шимпанзе, – добродушно пробормотал доктор и опять занялся муравьями.

Но тут он услышал крики: к девочке бежала, придерживая корзину на голове, женщина, и доктор с интересом узнал в ней Олибу, красивую главную жену вождя. Подбежав к девочке, Олиба стала тянуть её от столба. Девочка, не спуская глаз с доктора, залилась отчаянным плачем, ещё сильнее обвив столб всем телом. Доктор стоял растерян, комкая в руках свою шляпу и неловко улыбаясь. Он не знал, что ему делать.

Тут на крики женщины и плач ребёнка из лагеря пришёл капитан. Узнав жену вождя, капитан снял шляпу и низко поклонился, а когда выпрямился, то встретился взглядом с глазами прекрасной Олибы – та, отпустив руку дочери, сделала несколько шажков к капитану и неотрывно смотрела на него. Забытая корзина покоилась на её голове, впрочем, совсем ей не мешая. Между капитаном и женщиной тёк муравьиный поток, но его никто не замечал, даже доктор на муравьёв больше не смотрел, потому что он, оторопело улыбаясь, переводил взгляд с капитана на женщину.

А капитана от взгляда Олибы вдруг обдало жаром, обдало всего, с ног до головы. По спине его потёк пот, и тут же в голове откуда-то взялись, – явно не его, – мысли. Мысли были определённо чужие, он это чувствовал с пронзительным ужасом. Он ясно чувствовал, как они тяжело проворачиваются в голове, захлёстывая друг друга, а самое жуткое было то, что мысли эти были женские.

Капитан думал, что встать ему надо завтра до петухов... Ещё он думал о корнях маниоки, сваленных вчера за хижинкой. Он представлял, как режет эти, – пока ещё ядовитые, – корни, сваливает их в ступу и бьёт их пестом, и как по всей деревне, возле каждой хижины раздаётся такой же деревянный стук, а пест у него слишком тяжёлый и сделан не по росту, и ему трудно его поднимать, а потом тяжело носить воду из реки, несколько суток вымачивать яд из корней, потом сушить корни на солнце, а высушенные – растирать в муку между двух больших гладких камней, сидя в тени дерева рядом с остальными женщинами...

Это было жутко. Капитан обомлел, сердце у него замерло и остановилось, будто бы он во сне падал со скалы.

Подожёл Платон и встал рядом с капитаном. Олиба словно очнулась, отпрянула, потом глянула вниз под ноги, увидела муравьёв, вскрикнула и, ухватив дочь за плечо, потащила её в деревню. Она бежала, не оглядываясь, и волокла за собой упиравшегося ребёнка. Мужчины смотрели ей в след, капитан растерян улыбаясь.

– Ни-че-го! Не понимаю! – вдруг отчеканил доктор потрясённо.

Капитан отрешённо покосился на доктора голубым глазом.

– Ничего не понимаю я в этих муравьях! – повторил доктор, он повернулся и запустил свою шляпу в лагерь.

Шляпа доктора, изрядно помятая за долгую дорогу, полетела по странной кривой траектории и непременно угодила бы в костёр, если бы её ловко не подхватил Жуан. Капитан, Платон и доктор Легт пошли к палаткам.

– Нет, как он делает, что всё женщины от него столбенеют? – спросил доктор у Платона.

Платон посмотрел на доктора виновато и ничего не ответил по своему обыкновению. Капитан тоже ничего не ответил, он был напуган тем, что с ним произошло, потрясён, как после кошмарного сна, и с трудом приходил в себя.

К ним навстречу встал от костра дон Родригу.

– Что случилось? – встретил он их вопросом.

– Наш доктор разочаровался в муравьях, – тихо сказал ему капитан первое, что пришло в голову.

Платон и доктор заулыбались, но португалец словно бы не заметил их улыбок.

– В каких муравьях? – спросил он уже с тревогой.

– Да доктор нашёл муравьёв за нашим лагерем, – сказал капитан.

Дон Родригу перевёл эти слова Жуану. Жуан нахмурился и бросился туда, откуда пришли джентльмены – к муравьям. Доктор Легт пошёл за ним, по дороге он взял у Жуана свою шляпу и надел её. Жуан подошёл к муравьиной тропе, пристально оглядел её и двинулся вдоль тропы. Из деревни уже бежали жители, в основном мужчины. Их чёрные лица были встревожены, глаза блуждали по земле, осматривая её, руки сжимали горящие факелы. Жуан призывно замахал им. Мужчины подбежали, пошли за муравьиной армией и скоро скрылись из глаз.

Жуан и доктор, пройдя ещё немного и убедившись, что муравьиный путь ушёл от их лагеря, вернулись на костровище. Дон Родригу в это время рассказывал матросам о муравьях.

– Вы думаете, что в Африке самые страшные звери – это лев и крокодил? – спрашивал он со своим приятным португальским акцентом. – Нет... Муравьи, ведомые постоянным голодом – они самые страшные. И дикие звери бегут от них, а тот, кто не смог убежать, будет обглодан дочиста. И главное оружие кочевых муравьёв – их челюсти, мощи которых хватает, чтобы прокусить даже толстую кожу носорога.

– Жители деревни так всполошились? Неужели муравьи уничтожат посевы! – спросил взволнованный доктор.

– Нет, растения они не едят, – ответил дон Родригу. – А вот кур в закрытом курятнике... Привязанных коров, овец. Сначала закусуют до смерти, потом оставят один скелет.

– А людей? – спросил сквайр.

– Случается, что обглаживают младенцев, забытых в колыбели... Лежащих больных, – ответил дон Родригу. – Здоровые от них убегут, ведь муравьи не умеют быстро бегать. Зато они умеют плавать... Собираясь в огромный копошащийся ком, они штурмуют водные преграды. Когда этот ком, внутри которого находится царица, прибывает к другому берегу, он распадается, и муравьи всё в том же порядке движутся дальше.

– И что же теперь делать? – спросил мистер Трелони.

– С заходом солнца муравьи уснут, и будут спать всю ночь, а утром жители опять проверят, куда лежит муравьиный путь. Если в деревню – то кострами их попытаются отпугнуть и повернуть в сторону.

И день неспешно потёк дальше. Сегодня было особенно душно и жарко, и на небе появилось большое серое облако, которое росло, росло, пока не заполонило собой всё небо. Послышались раскаты дальнего грома, и Жуан, который в это время учил Платона стрелять из лука, сказал, что скоро пойдёт дождь. Матросы спешно варили на двух кострах рис. Они взяли в

деревне ошипанных кур, пальмовое масло и местный щавель и обещали всем знатный гвинейский обед.

К вечеру в лагерь белых пришёл Йаро и сообщил, что вождь Драаго зовёт вождя Линча к себе... «Приём в резиденции», – подумал капитан и невесело улынулся. Он собирался идти к вождю, конечно же, с доном Родригу, как с переводчиком, и с Платоном.

Они шли за Йаро по деревне и присматривались: возле своих круглых глинобитных хижин, прямо на улице, чернокожие женщины стирали, занимались рукоделием и готовили что-то на дымных очагах – все были заняты делом, на белых опять никто не смотрел.

– Вот так они здесь и живут, – сказал дон Родригу. – Денег они не знают... Ямс здесь меняют на кукурузу, кукурузу на ямс или курицу, а рабов меняют на скот – прожить можно. Живут же люди и в худших условиях.

Вождь Драаго разместился отдельно от деревни. «Резиденция» его состояла из круглых маленьких хижин, соединённых между собой открытыми проходами и широкими дворами. Капитан уже знал, что такие гвинейские хижины называются «каза». Здесь, как сказал дон Родригу, проживала вся семья вождя: старые женщины – в одном доме, молодые родственницы – во втором, жены вождя – в третьем, а его дети – в четвёртом. Вечернее солнце окрашивало стены каз в насыщенные цвета тёмной охры, а домашние животные, – козы, овцы и куры, – свободно бродили из хижины в хижину, словно по комнатам большого дома.

В дверях одной хижины капитан заметил главную жену вождя Олибу. Она, в позе заправской хозяйки, как любая английская женщина, застыла в проёме на фоне занавешивающей его циновки: плечо опирается о косяк, руки скрещены на груди, голова склонена набок. Встретившись глазами с капитаном, жена вождя стремглав бросилась в дом.

На самом большом дворе под навесом сидел вождь Драаго. Англичане подошли к нему, поздоровались и встали на почтительном отдалении. Капитан приблизился и с поклоном протянул вождю саблю – в подарок.

Вождь Драаго взял саблю, положил её на колени и махнул длинной рукой, и к ним подбежал туземец с подносом, на котором высились три кучки серых крупинок. Дон Родригу взял щепотку из одной кучки и сказал капитану и Платону:

– Это надо съесть... Это всего лишь соль. В этих местах бытует поверье, что некоторые люди даже после смерти остаются жить среди живых... И они будут вести себя, как живые, до тех пор, пока не попробуют соли. И только тогда они поймут, что уже мёртвые.

Португалец проглотил соль, не поморщившись. Капитан и Платон последовали его примеру и приготовились ждать, предчувствуя неторопливую беседу. Но вождь был удивительно немногословен.

– Я оказал вам гостеприимство и хочу, чтобы ты, вождь Линч, отдал мне вот этого раба, – сказал он капитану и показал на Платона.

Когда дон Родригу это перевёл, глаза его засверкали, а от аристократической расслабленности португальца не осталось и следа. Капитан тоже вспыхнул.

– Платон не раб, – ответил он потрясённо, но твёрдо, и уже растерянно добавил: – Платон... Платон – вождь.

– Вождь не может носить корзины, – сказал Драаго, и глаза его хитро сощурились, а полные губы заулыбались. – Корзины носят только женщины и рабы.

– А у нас корзины носят все, – ответил капитан. – Вот я, вождь, а ношу корзины тоже.

– Ты – другое дело, ты – белый человек, – ответил Драаго, его круглое лицо выражало удовольствие своей находчивостью. – Белые люди – странные люди.

– За гостеприимство я подарю тебе часы, вождь, – поспешил сказать капитан. – Они золотые и громко тикают.

Вождь Драаго, казалось, задумался – глаза его застыли и слегка округлились, несколько секунд он молчал, потом произнёс:

– И часы тоже.

Потом он поднялся со своего сидения и с достоинством удалился, зажав подаренную саблю под мышкой.

****

Капитан вернулся в лагерь в бешенстве, Платон был тих и молчал по-своему обыкновению, у дон Родригу гордо сверкали глаза.

Мистер Трелони и доктор бросились к ним с расспросами. Все они сгруппировались в тесной палатке, стараясь говорить тихо и сдержанно. Тихо и сдержанно капитан стал рассказывать, что местный царёк Драаго, этот жирный вонючий козел, – тут капитан захлебнулся яростью и молчал несколько секунд, собираясь с силами, – требует отдать ему Платона в качестве подарка за гостеприимство.

– Джентльмены, нам надо бежать, и чем скорее, тем лучше, – сразу предложил доктор Легг.

– А, может быть, принять предложение Йаро? – сказал сквайр после минутного размышления, он сидел по-турецки и задумчиво покусывал травинку, прищурив один глаз. – Ну, постреляем немножко.

– Я не буду помогать этому интригану Йаро и освобождать для него местный трон, – резко сказал капитан. – Это не наша распря... Мы здесь чужие.

– Кот в перчатках мышей не поймает, – глубокомысленно изрёк мистер Трелони.

– Нет, – отрезал капитан.

– Тогда я предлагаю Платона опять усыпить, – доктор заулыбался, словно через силу, и подморгнул Платону.

– Они не поверят, – сказал капитан. – Я уже думал об этом... Они начнут делать из Платона «зомби» или чучело.

– Палатки придётся бросить, – проговорил сквайр, он уже обдумывал детали побега. – Не начинать же складывать их на виду у всей деревни... Да и нести их будет тяжело, мы одни столько теперь не унесём.

– Самое важное мы возьмём: оружие и медикаменты, – ответил капитан.

Тут подал голос дон Родригу.

– У меня сложилось впечатление, господа, что вождю нужен не столько Платон, сколько его амулет, – осторожно произнёс он.

– Да, я тоже это заметил. Драаго глаз с амулета не спускал, – ответил капитан и, уже обращаясь к Платону, сказал сквозь зубы: – Я тебя прошу – сними ты эту штуку с себя ... Сними и спрячь, за ради господ бога!

Платон снял амулет, накрутил на него бечёвку и зажал в кулаке.

– И пусть Платон пока никуда не отходит от лагеря, – вставил своё соображение мистер Трелони.

Тут снаружи палатки раздался голос Жуана, который звал своего отца. Дон Родригу выглянул, потом залез обратно, и лицо его выражало уже непомерное удивление. Посидев недолго с оторопелым видом, португалец тихо произнёс:

– Здешний колдун, имя которого произносить запрещено, зовёт вождя Линча к себе... Сейчас же. Он прислал провожатого.

Капитан выругался сквозь зубы и стал собираться.

Он решил идти, конечно же, с доном Родригу, как с переводчиком, обязательно захватив в подарок для колдуна часы.

****

Выглянув из палатки, он увидел чернокожего мальчика, терпеливо стоящего поодаль.

Капитан потряс свои сапоги, чтобы вытряхнуть из них насекомых, которые туда могли заползти, и стал их натягивать. Следом за ним вылез и стал обуваться с такими же предосторожностями дон Родригу. Мальчик повёл белых людей быстро, иногда оглядываясь на них.

Место, в которое они вскоре пришли, было уединённое и дикое. Неприятливые скалы почти отвесно уходили здесь в тёмную воду. Обогнув скалы и вспугнув нескольких поспешно скользнувших в воду крокодилов, они пошли за мальчиком вдоль берега озера, поднялись на пологий холм и зашагали по сухим серым ракушкам, по скорлупе крокодилий яиц и по многочисленным змеиным выползкам – ороговевшим кускам кожи, сброшенной змеями во время линьки. Высохшая скорлупа яиц зловеще хрустела под ногами.

Вершина холма была покрыта ползучей растительностью. Здесь, на самой вершине, стояло одинокое дерево, от ствола которого дон Родригу отковырнул кусочек, понюхал и протянул капитану. Капитан тоже понюхал: пахло ладаном, это оказалась смола ладанного дерева. Капитан зажал её в кулаке и оглядел окрестности.

Размытые очертания пологих холмов, изрезанных глубокими трещинами, и нагромождения огромных глыб обрамляли идущую к горизонту цепочку тёмных гор. Ничто не оживляло этого застывшего пейзажа, даже звуки, окружающие их до этого, смолкли, казалось, навеки, и капитана охватило щемящее чувство одиночества... «Да, в приятном месте живёт этот колдун», – подумал он и опять поднёс к носу кусочек ладана.

И тут же какие-то неясные воспоминания всплыли у него в сознании паутиной зыбких, неопределённых и путаных линий, но это были странные образы, с реальной жизнью никак не связанные: кружевной зонтик, лежащий на анатомическом столе в окружении хирургических инструментов отвратительного вида, женская туфелька, истекающая кровью, и огромный перевернутый таракан, шевелящийся между чьих-то раздвинутых голых ног...

Капитан резко отшвырнул ладан и поспешно вытер руку об одежду.

Мальчик поторопил их. Повинуясь ему, капитан и дон Родригу прибавили шаг. Было пасмурно, но чувствовалось, что солнце вот-вот сядет в горы, потому что с каждой минутой становилось сумрачнее. Мальчик подошёл к пролому в скале и скользнул в него. Пролом оказался довольно просторным, за проломом шёл проход в глубину скалы, а где-то впереди трепетал огонь светильника, так что идти было не трудно, и скоро они вошли в небольшую пещеру. Здесь опять пахло ладаном.

Колдун сидел на полу, на циновке, и смотрел на капитана удивительно хитрыми глазами, у его ног горел масляный чадающий светильник. Не зная, что делать, капитан поклонился колдуну и подал ему часы – в свете светильника серебряная пузатая «луковица» часов, мягко поблёскивая привязанным ключиком, быстро закрутилась на крупной цепи. Колдун улыбнулся и протянул длинную руку. Капитан вложил часы в эту руку и отступил.

Может быть, дон Родригу и переводил ему слова колдуна – капитан этого не помнил. Он как будто всё понимал и без всякого перевода.

Очень медленно и внятно колдун сказал ему:

– Уходи к горным фульбе... И не надо слушать Йаро, пусть он идёт своей дорогой... А я задержу вождя. И задержу дожди... Не верь гиенам, они обманщики. Избегай львов, они отнимают друзей. А вот горная лань тебе поможет... А теперь иди.

И словно что-то толкнуло капитана в грудь так, что он даже покачнулся, попятился и посмотрел на колдуна потрясённо, но тот уже закрыл глаза и, казалось, погрузился в глубокий сон – лицо его расслабилось, грудь мерно задышала. Капитан мотнул головой дону Родригу, призывая его за собой, и двинулся на выход за мальчиком, который уже засеменил в темноту прохода...

Очнулся капитан на поверхности.

Он стоял возле пролома в скале и крепко держал за руку дон Родригу, который удивлённо, но молча, смотрел на него. Было так же сумрачно, солнце так же садилось в горы. Мальчик стоял поодаль в ожидании.

Откуда-то невыносимо тянуло ладаном.

****

Капитан и дон Родригу вернулись в деревню.

Они увидели вокруг своего лагеря часовых – четверо могучих, как на подбор, африканцев с копьями в руках повернули головы в их сторону. Матросы и джентльмены, как обычно, сидели у двух костров, разложенных неподалёку друг от друга.

– Что они здесь делают? – спросил капитан про воинов, подходя к кострам.

– Их привёл Йаро и сказал одно слово – «Драаго», – ответил Платон, отодвигаясь в сторону, чтобы освободить ему место. – Я думаю, что так приказал вождь.

– Вот сволочь, – обругал капитан непонятно кого.

Он сел к костру и зябко протянул руки к огню.

– Ну что? – спросил у него сквайр коротко.

– Колдун сказал, чтобы мы уходили, – ответил капитан зло, он смотрел на свои пальцы, красные от огня костра и был словно не в себе.

– А вот это уже приказ! – воскликнул дон Родригу, он как-то вдруг сразу заволновался.

Капитан поднял глаза и оглядел всех.

– Вы, конечно, уже всё понимаете? – спросил он и добавил: – Надо уходить... Сегодня. Перед рассветом. Часовых мы с Платоном берём на себя.

Тут он посмотрел на дон Родригу, который сидел рядом с сыном, и спросил:

– Дон Родригу, вы с Жуаном идёте с нами?

– Да, конечно, – поспешно ответил португалец и что-то сказал сыну.

Жуан кивнул. Капитан улыбнулся ему ободряюще. Некоторое время все сидели молча, думая каждый о своём и готовясь мысленно к завтрашнему дню.

– Как вам местный колдун? – вдруг спросил сквайр.

– Угм, – хмыкнул капитан неопределённо. – Производит впечатление.

– И главное: он ведь старый уже мужчина, – сказал сквайр чуть ли не с одобрением.

– Старый? – переспросил капитан, он казался удивлённым. – Мне он показался не старше вас... Мускулистый такой.

– Мускулистый?... Да нет же! – заспорил сквайр. – Сухонький, тщедушный старичок, но сильный ещё, кажется. Жилистый.

– Может мы говорим о разных колдунах? – произнёс капитан и обратился к португалцу. – Скажите, дон Родригу, ведь вы этого колдуна уже видели раньше... Как он вам сегодня показался?

– Я его сегодня не видел, – сказал португалец коротко.

– Ну как же? – ахнул капитан. – Мы пришли, он сидел на полу... У его ног горел светильник.

Дон Родригу помолчал, потом потёр себе виски изящным жестом и, не спуская застывших глаз с костра, проговорил медленно:

– Может быть, он и сидел на полу, но он сидел за ширмой... Что-то наподобие ширмы, зелёной такой... Из травы и веток.

У капитана вытянулось лицо. Он потрясённо смотрел на проводника.

– Мать его разтак! – вскричал доктор в полнейшем изумлении.

Остальные ошарашенно молчали, не зная, что и сказать. Тишину нарушил капитан.

– Всем приготовиться, проверить оружие и спать, – сказал он, вставая. – Мы с Платоном – на вахте.

Потом он подошёл к костру матросов и стал с ними о чём-то договариваться.

****

Глава 3. Фульбе

Эта ночь была тёмная.

В назначенное время капитан подполз к первому туземцу-часовому, который стоял неподвижно очень давно и не подавал признаков жизни. Капитан бросил в сторону камешек. Тот глухо, но явственно стукнул о землю – часовой даже не повернул голову в ту сторону. Капитан понял к своему удивлению, что часовой спит, причём спит стоя, в сгорбленной позе, опираясь на копьё всем своим могучим телом – грудь часового мерно поднималась и опускалась. Капитан пополз ко второму часовому – тот тоже спал в такой же застывшей, окаменевшей позе. С другого конца лагеря, от другой пары часовых, капитану призывно махнул рукой Платон. Капитан встал на ноги и пошёл к нему.

– Кажется, они спят, – прошептал Платон, он тоже поднялся на ноги.

– Ещё как спят, – ответил ему капитан. – Да ещё в такой «удобной» позе... Мы могли бы даже собрать палатки... Собери хоть одну. И буди наших.

Платон скользнул к палаткам. Капитан приблизился к часовому и посмотрел ему в лицо – часовой спал, глаза его были закрыты, размеренное дыхание было отчётливо слышно. Капитан поводит рукой перед носом часового, потом оглянулся на Платона.

Из палаток уже вылезали матросы. Они молча шли в центральную палатку, брали оттуда заплечные мешки, закидывали их себе на спину, вешали на плечо патронные сумки и мушкеты и уходили к ближайшим зарослям. Жуан помогал Платону собирать самую маленькую палатку. Дон Родригу, мистер Трелони и доктор Легг тоже взяли свой груз и оружие и бесшумно растворились в темноте. Капитан дождался, когда Жуан и Платон уйдут, и ещё раз оглядел неясно озаряемые светом совсем прогоревшего костра палатки и застывшие фигуры часовых. Потом он тяжело поднял с земли и закинул себе на спину мешок, положил мушкет на плечо курком кверху и произнёс едва слышно, угрожающе:

– Но если кто-нибудь решится нас преследовать... Пусть молится тогда всем своим богам.

Он поторопился догнать остальных. Платон первым пошёл по узкой дорожке мимо деревенских наделов и посадок. Все двинулись за ним.

За ночь долина остыла, и к рассвету стало даже прохладно. Восходящее солнце высветило клочковатый ночной туман, и в этом зарождающемся свете нового дня отряд пошёл по мокрой от росы траве быстрее. Скоро утреннюю тишину робко проверила первая, ещё сонная птица, ей ответила вторая, потом птицы загомонили на все лады... «Петухов не слышно, – подумал капитан. – Значит, мы ушли уже далеко». Он вспомнил переключку деревенских петухов: начинали кричать почему-то всегда молодые голоса, им вторили хриплые напевы петухов-ветеранов. Тут же, отпущенной пружиной, в деревне мандинка раскручивался очередной день – из островерхих хижин выходили женщины, азартно кудахтали куры, звякали колокольчики горбатых длинноногих коров, которых босоногий пастух гнал на пастбище.

Скоро Платона, идущего впереди отряда, сменил Жуан – места начинались неизведанные, так далеко моряки, охотясь, ещё не заходили. Тропа давно кончилась, незаметно истаяв. Время от времени капитан, идущий последним, оглядывался, и вдруг ему показалось, что на оставленном позади пути стоит белёсая маленькая фигурка и машет ему рукой, прощаясь.

– Что? – обернувшись, спросил у него Платон.

Он тоже остановился, так же усиленно всматриваясь в клубящуюся рассветную мглу – за плечами его висел лук, в руках он держал мушкет.

– Нет... Померещилось что-то. Ты посматривай назад, ладно? – попросил капитан и, уже отходя от Платона, пробормотал: – А дождя так и не было.

Капитан быстро пошёл, обгоняя матросов и внимательно приглядываясь к каждому. Трава на земле была жёлтая и сухая, почти лишённая боковых побегов, она постепенно густела и становилась выше, а её сломанные ногами стебли упруго и чувствительно кололись.

Жуан, словно почувствовав что-то, оглянулся, увидел капитана и остановился. За ним встали и остальные. Капитан подошёл к проводникам, про себя отметив, что оба тяжёлых мушкетера Жуан несёт сам, отдав отцу свой лук.

Глянув на дону Родригу, – тот выглядел усталым, – капитан спросил у него:

– Они далеко живут, эти фульбе?

– Не далеко... К вечеру придём, – ответил тот. – Совсем маленькая деревушка этих фульбе-язычников расположена вон на том плато.

И дон Родригу показал на виднеющиеся впереди уступы.

– А какой-нибудь ручей на пути будет? – спросил капитан и пояснил: – Нам надо поесть и отдохнуть.

– Да, сейчас найдём, – быстро ответил дон Родригу и обратился к сыну.

Жуан кивнул утвердительно, огляделся и через секунду направился в сторону, до опушки ближайшего леса, на которой, несмотря на жаркое лето, ещё сохранилась почти пересохшая речушка. Все занялись устройством привала. Доктор Легг с мистером Трелони подошли к капитану.

Доктор сказал:

– Капитан, когда вас вчера не было, мы с мистером Трелони сделали в деревне запас провизии на сегодня.

– Вот как? – удивился капитан и понимающе улыбнулся. – И во что вам это обошлось?

– Одно маленькое зеркало для Йаро, – ответил сквайр и хихикнул.

– Ну, тогда накормите нас, пожалуйста, джентльмены, – попросил капитан.

Он пошёл к речке, а доктор расстелил покрывало и с помощью мистера Трелони стал доставать и раскладывать еду из мешка. Потом доктор стал созывать остальных «к столу». Когда все расселись вокруг покрывала, доктор важно, не без гордости произнёс, изображая радушного хозяина и потирая руки:

– Итак, господа путешественники, прошу отведать – настоящий завтрак горных мандинка!

Потом он широкими жестами стал указывать на то, что лежало «на столе»:

– Пожалуйста... Лепёшки мандинка. Куры мандинка. Фрукты мандинка. И даже яйца.

– Яйца тоже мандинка? – спросил капитан, опустив глаза.

– Нет, – начал объяснять доктор, не раскусив подвоха. – Яйца кури...

Тут он остановился на полуслове, удивлённый взгляд его застыл на капитане.

– О, чёрт! – воскликнул он и добродушно рассмеялся. – Как вы меня поймали, капитан!.. Нет, друзья! Яйца не мандинка... Яйца куриные. Кушайте спокойно, пожалуйста.

Все довольно расхохотались и принялись за еду.

Скоро капитан скомандовал «подъём» – бивуак быстро свернули и тронулись в путь.

Какое-то время они шли по краю леса – здесь было не так жарко. Дорогу прорубать теперь нужно было самим, и всем по очереди пришлось поработать тяжёлыми ножами, и матросам, и джентльменам.

Африканский тропический лес поразил сквайра приглушённой тишиной и умиротворённостью. В этом лесу даже днём было темно, влажно и жарко, и он был настолько густой, что рассмотреть, что впереди, было невозможно – всё загораживалось кустами, глянцевыми листьями и стволами, заросшими папоротником, лианами и мхами. Солнечный свет, проникая сквозь густые кроны деревьев верхнего яруса мягкими лучами и размытыми пятнами, создавал иллюзию удивительной безмятежности и спокойствия. Вокруг порхали бабочки, гудели пчелы, собирающие мёд с цветов. Где-то высоко на деревьях перекликались птицы. Смеш-

ные обезьянки начинали пронзительно кричать и прыгать с ветки на ветку, завидев отряд – там, наверху, обитало многочисленное и разнообразное племя, которое рождалось и умирало высоко наверху, никогда не спускаясь на землю.

Но сквайр уже знал, что некоторые листья не так безобидны, как казались на вид, что они защищены смертельной смесью из танина, стрихнина и цианида, что ночью этот лес превращался в царство силы и страха, в арену неистовой борьбы за жизнь, и что человек со своими слабыми мускулами в этом царстве играл совсем незначительную роль.

Они вышли из леса к небольшой, круглой, как блюдце, долине, и дон Родригу сказал, вытянув руку:

– Деревня фульбе находится вон за теми деревьями.

Сквайр увидел отдельно стоящие деревья – они словно плавали в знойном мареве долины. Он сморгнул от пота, который застилал ему глаза, вытер мокрые брови тыльной стороной руки и двинулся за проводниками дальше. Несмотря на усталость и жару, все пошли быстрее, узнав, что конец перехода близок.

Скоро отряд уже подходил к деревне.

*****

Деревня состояла из круглых хижин, стоящих на высоких глинобитных фундаментах.

Им никто не встретился на дороге, не повстречался и возле хижин, словно все жители разом легли спать. Домашних животных тоже не было слышно. Было тихо – до одури, до звона в ушах. Матросы насторожились. Джентльмены проверили порох на затравках пистолетов и пошли по деревне, оглядываясь. Жуан с капитаном шли впереди.

Подойдя к одной хижине, Жуан застыл на пороге, прислушался, потом что-то негромко спросил в дверной проём. Не получив ответа, он откинул циновку, занавешивающую вход, и заглянул внутрь. Постояв так недолго, он опустил циновку, покачал капитану отрицательно головой и медленно двинулся дальше.

Потом они нашли первых убитых.

Скоро убитые жители стали попадаться чаще. Некоторые лежали в хижинах, иные на пороге или в своих двориках, кто-то даже сжимал в руках копье или лук, но по всему было видно, что на деревню напали врасплох, и что жителей убили внезапно. Женщин среди убитых не было – женщин и детей, как понял капитан, увели живыми.

Жуан вышел из очередной хижины и что-то закричал отцу, по его чёрному, искажённому отчаяньем лицу катились слёзы. Он их не стеснялся и не вытирал.

– Он говорит, что убитых надо похоронить, – сказал дон Родригу и просительно посмотрел на капитана.

– Конечно, мы их похороним, – согласился капитан.

– Похоронить надо сегодня... Ночью их съедят гиены, – сказал дон Родригу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.